

ЮНЕСКО

КУРЬЕР

ОКТАБРЬ 1986

АВЕРРОЭС

Два мыслителя XII века

МАЙМОНИД

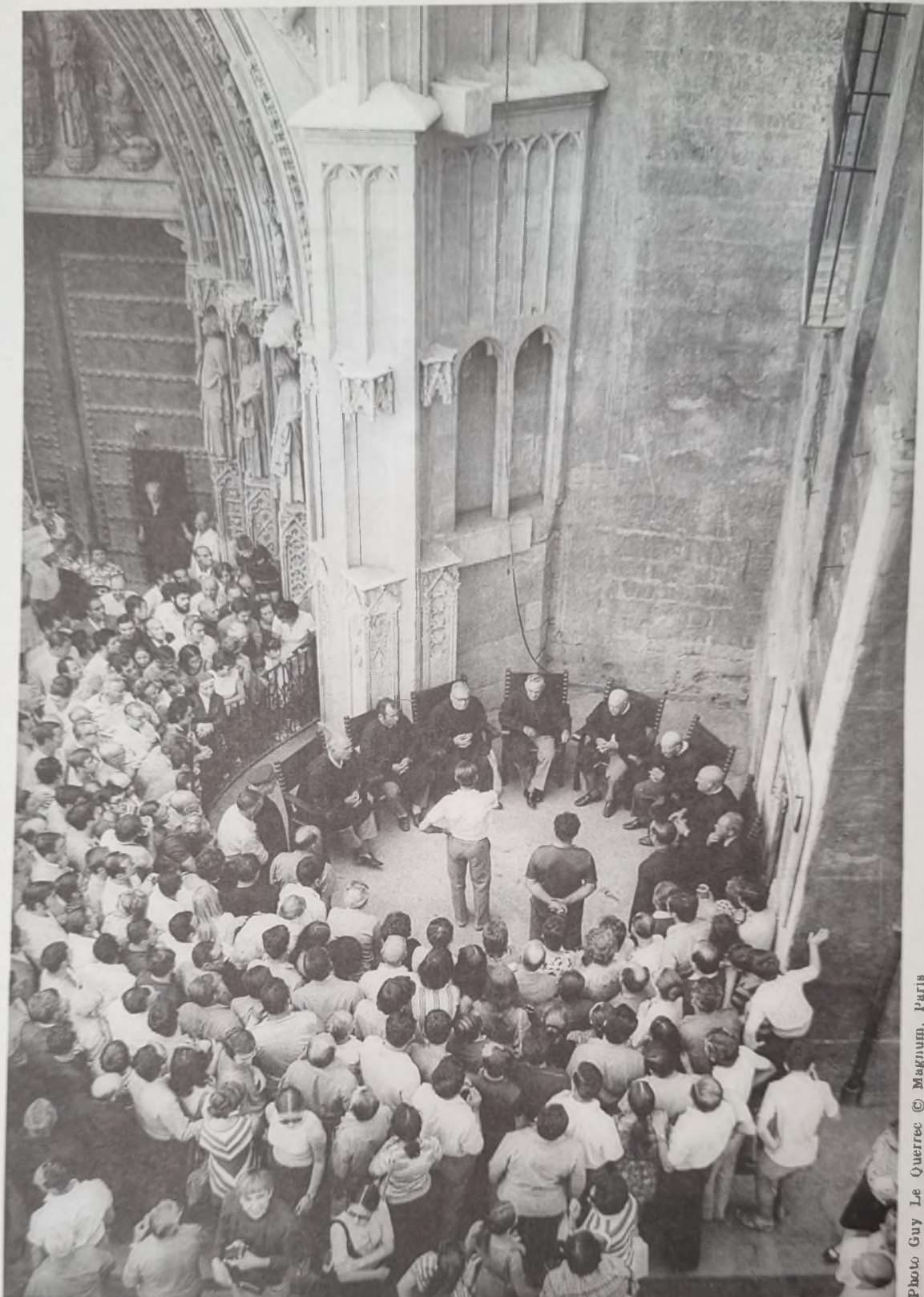

Photo Guy Le Querrec © Magnum, Paris

Время жить...

Испания

Водный суд

История Валенсии, одной из самых богатых сельскохозяйственных областей Европы, восходит ко временам арабов аль-Андалуса (мусульманской Испании), принесших на эту землю многочисленные растения, в том числе и шельсинны. Запасы воды в этом районе крайне скудны, и поэтому ее распределение, от которого сегодня, как и в прошлом, зависит процветание района, регулируется древними правилами, обязательными для всех, кто

использует воду для полива. Контроль за соблюдением этих правил осуществляет специальный суд — Tribunal de las aguas («Водный суд»). Он является продолжением института, который, согласно андалусийскому историку Ибн Хайяну (XI в.), выполнял подобные функции во времена Кордовского халифата. Суд, члены которого представляют все города и деревни области, заседает в валенсийском соборе у дверей Апостолов каждый четверг с 11 часов утра до полудня. Процедура суда проста: он разбирает устные жалобы и налагает штрафы, которые выплачиваются в ливрах (1 ливр = 3,75 песеты), монетах, имевших хождение в Валенсии еще в древности.

От Главной редакции в Париже

Октябрь 1986

30-й год издания

Кордова XII века вписала славную страницу в историю мировой культуры. В течение четырех столетий она была центром цивилизации аль-Андалуса, мусульманской Испании, занимавшей территорию современной Андалусии. Кордова была также свидетелем расцвета другой, еще более древней арабо-мусульманской цивилизации (аль-Андалус являлся лишь ее частью, хотя и самобытной), простиравшейся от берегов Индии до Северной Африки и Пиренейского полуострова.

До начала XIII в. Кордова, столица аль-Андалуса, была самым крупным, богатым и культурным городом Европы. О ее былом великолепии свидетельствует знаменитая мечеть, дошедшая до нас практически в своем первоначальном виде. Но подлинную славу Кордове принесли мыслители аль-Андалуса. В этом уголке Южной Европы жила и работала целая плеяда великих умов, оказавших влияние на развитие философии и литературы Нового времени: поэты Ибн Хаазм, аль-Мутамид и Ибн Кузман, мыслитель-суфий Ибн аль-Араби, ученый Ибн Туфайль, географ аль-Идриси, врач Аверроэс, философы Ибн Гебироль (Авицеброн), Ибн Масарра, Ибн Балжа (Авернас) и самые известные среди них — Маймонид и Аверроэс.

Моше бен Маймон (латинизированное — Маймонид) и Ибн Рушд (латинизированное — Аверроэс) родились в Кордове с разницей в несколько лет. Маймонид происходил из семьи иудеев. Аверроэс — мусульман. Оба философа писали по-арабски. Продолжая великие традиции античности, они передали их обогащенными и наполненными новым содержанием христианскому средневековью. Эти два великих ученых из Кордовы символизируют культурный универсализм, характерный для аль-Андалуса, плодотворное взаимодействие культурных традиций, связанных с тремя монотеистическими религиями — исламом, иудаизмом и христианством, — в атмосфере терпимости, которая, несмотря на начавшиеся в конце этого периода религиозные преследования, была уникальна для своего времени.

Данный номер «Курьера ЮНЕСКО» посвящен Аверроэсу и Маймониду, двум великим представителям мировой науки. В нем делается попытка осветить век выдающихся интеллектуальных свершений, классической арабо-мусульманской мысли, который заслуживает более широкой известности и понимания. В декабре 1985 г. ЮНЕСКО организовала международный круглый стол в ознаменование 850-летия со дня рождения Маймонида. Другому видному представителю этой традиции — аль-Газали (латинизированное — Альгацель) — будут посвящены статьи в декабрьском номере «Курьера ЮНЕСКО» за 1986 г. В заключение напомним, что авторы, принявшие участие в этом номере, выражают свою собственную точку зрения, которая не обязательно совпадает с точкой зрения ЮНЕСКО и сотрудников редакции журнала.

Обложка: вверху — Аверроэс, фрагмент фрески «Торжество Фомы Аквинского» (см. с. 16); внизу — Маймонид, фрагмент статуи философа в Кордове (см. с. 4).

Photo © Scala, Florence

Photo © Diodoro Urquía, Salduero, Soria, Spain. Taken from «Moisés ben Maímón 'Maimónides' 1135—1204», an audiovisual montage by Diodoro Urquía, Ministry of External Affairs, Madrid

Photo © Almay, Paris

Юго-западный фасад мечети в Кордове

4 Путеводитель для колеблющихся
Амаду-Махтар М'Боу

6 Философы аль-Андалуса
Мигель Ирус Эрнандес

14 Два представителя средневековой мысли
Мохаммед Аркун

18 Из трудов Маймонида и Аверроэса

21 Человек и общество
Шалом Розенберг

24 Разум и терпимость
М. А. Синасер

25 Преемственность традиции
Артур Сагадэво

29 Гуманистическая мысль Маймонида
Анхель Сайено-Бадильос

32 Религиозный мыслитель, ученый, философ
Ролан Гетшель

34 Год мира

2 Время жить...
Водный суд (Испания)

Главный редактор Эдуард Глиссон

Публикуется ежемесячно
на 32 языках ЮНЕСКО —
Организацией Объединенных
Наций
по вопросам образования,
науки и культуры.
Париж, 75700,
Плас Фонтануа, 7.

Русском
Английском
Французском
Немецком
Испанском
Арабском
Японском
Итальянском
Хинди
Тамили

Персидском
Корейском
Голландском
Португальском
Турецком
Урду
Каталонском
Малайском
Корейском
Буддийском

Нандинском
Индонезийском
Сингапурском
Сербском
Сорбском
Китайском
Бенгальском
Греческом
Бенгальском

Сингальском
Вьетнамском
Тайском

Шрифтом Брайля ежеквартально
публикуется подборка статей
на английском, французском,
испанском и корейском языках.

ISSN 0304—3150

Путеводитель для колеблющихся

Амаду-Махтар М'Боу

В декабре 1985 г. ЮНЕСКО организовала в своей штаб-квартире в Париже международный симпозиум в ознаменование 850-летия со дня рождения в Кордове великого мыслителя Моше бен Маймона (Маймонида). Ниже приводятся наиболее значительные отрывки из выступления на симпозиуме Генерального директора ЮНЕСКО Амаду-Махтара М'Боу. Другой симпозиум, также проходивший в декабре 1985 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО, был посвящен жизни и творчеству мусульманского мыслителя аль-Гавали (Альгацеля). Отрывки из выступления А.-М. М'Боу на этом симпозиуме будут опубликованы в декабрьском номере „Курьера ЮНЕСКО“.

Маймонид был одним из крупнейших еврейских законоучителей, выдающимся представителем средневековой философии, следовавшей традиции греков, ученым, внесшим значительный вклад в развитие арабоязычной философской и научной литературы XI—XII вв.

В своем труде «Путеводитель для колеблющихся» Маймонид выступает как мыслитель, соединяющий в единое целое арабскую науку, греческую философию и еврейскую теологию. В письме к Самуилу бен Тиббону, приступившему во Франции к переводу этой работы на еврейский язык, Маймонид писал:

«Сочинения Аристотеля следует изучать только с помощью комментариев

Александра Афродисийского, Фемистия или Аверроэса. Труды Платона, учителя Аристотеля, представляют собой притчи и трудны для понимания, обращаться к ним нет необходимости, ибо работ Аристотеля вполне достаточно; нет надобности изучать и произведения, написанные его предшественниками, ибо в личности Аристотеля человеческий ум достиг наивысшего совершенства, если не считать тех, на кого снизошло божественное вдохновение... Что касается логики, то надо изучать только работы аль-Фараби. Все его произведения превосходны, равно как и труды Ибн Баджи».

Однако было бы ошибкой считать, что Маймонид подходил ко всем вопросам исключительно с философской точки

зрения. Он рассматривал философию — а в то время она включала все известные науки — как пропедевтику к разработке концепции идеального общества и размышлению над вопросами: Откуда я пришел? Куда я иду? Какой смысл имеет существующий миропорядок? Что можно знать о сотворении мира?

По мнению Маймонида, уяснение этих вопросов должно составлять цель всех умственных усилий. Говоря его собственными словами, «...совершенство, которым человек вправе гордиться, заключается в соразмерном его способностям познании бога».

Маймонид, по сути дела, обращался к нерешительным и «колеблющимся», которые были уже добродетельны в своей вере и поведении, уже сведущи в

Photo © A. Muñoz de Pablos, Paris

Photo © Diodoro Urquía, Saldueño, Soria, Spain

философских науках и уже склонны прислушиваться к доводам разума и по возможности широко их применять, но тем не менее обеспокоены тем, что не могут примирить открытия науки и философии с *буквальным смыслом* священного писания. В общем, колеблющиеся — это те, кто знает, что дискурсивный разум не в состоянии полностью объяснить тайны человеческого существования, и кто в то же время не отвергает его неисчерпаемые возможности.

С помощью логики и математики человеческий разум устанавливает истину через доказательство. Но можно ли путем доказательства ответить на все наши вопросы? Разумеется, нет, говорил Маймонид. Как и его современник Ибн Рушд, он не утверждал, что верой в разум исчерпывается всякая вера, имеющая под собой почву, хотя некоторые теологи и критиковали обоих ученых за преувеличение возможностей разума.

Что касается пределов доказательной науки и соответственно того значения, которое придается толкованию священного писания, то можно привести, в частности, такой пример, проливающий свет на подход Маймонида к науке. Как известно, Аристотель проводил

различие между миром возникновения и уничтожения («подлунным миром») и миром небесных сфер, извечно приводимых в движение, как он считал, необходимо сущим началом. На протяжении столетий многие теологи трех богооткровенных религий противопоставляли этой концепции идею создания мира свободным актом божественной воли. Они утверждали, что философы не могут объяснить трудности, содержащиеся в системе Аристотеля. Примером такого подхода служит знаменитая критика «философов» аль-Газали.

Что же говорит в связи с этим Маймонид? «Все сказанное Аристотелем относительно того, что существует в подлунном мире вплоть до центра Земли, безусловно, верно, и никто не может придергиваться иным взглядам, за исключением тех, кто этого не понял... Относительно же того, что находится в надлунном мире, высказывания Аристотеля кажутся не более чем предположением...»

Что касается рамок Аристотелевой науки — в его время просто науки, — Маймонид добавляет: «Относительно того, что существует на небесах, человек не знает ничего, если не считать крохотной частицы математических знаний... Я бы сказал словами поэта: «Небо принадлежит Господу, но землю он отдал сынам Адама...» Что до поднебесного мира, то он наделил человека способностью познавать его, ибо это — мир человека, его обиталище, в которое он был помещен и частью которого является.»

Однако Маймонид не отрицает заранее возможность науки о небесах. Он повторяет, что готов выслушать любое доказательство по этому предмету, если таковое существует. А тем временем лучше принять точку зрения, которую он излагает следующим обра-

зом: «Изнурять человеческий разум тем, чего он не может постичь, ибо не обладает для этого даже необходимыми средствами, — значит идти против здравого смысла и проявлять своего рода безумие. Давайте ограничимся тем, что в пределах наших возможностей, а то, что не под силу нашему разуму, оставим для тех, кого посетило божественное вдохновение...»

Таким образом, он вносит некоторые нюансы в толкование священного писания. Когда наука устанавливает какую-то истину, противопоставлять ее слову божьему бессмысленно, лучше подвергнуть последнее иносказательному толкованию — *та'вилу* мусульманских теологов. Но для этого нужна еще более глубокая мудрость, чем мудрость ученых, хотя она и должна включать ее в себя.

Чтобы обладать ею, необходимо быть одновременно ученым, законоучителем и защитником религии, требовательным и просвещенным. Поэтический портрет таких людей нарисован Маймонидом в конце его «Путеводителя»: «Те, кто понял доказательство всего, что поддается доказательству, кто достиг достоверного знания в вопросах метафизики, где это было возможно, или приблизился к нему, где только это было возможно, — это люди, „проникшие в сокровенные глубины обиталища Господа...“».

Не относится ли это описание к самому Маймониду и к блестящим умам великой эпохи, в которую он жил? И не потому ли, достигнув таких высот, он смог прояснить мысль и поведи за собой многих, кто жил после него — от мусульманских исследователей до комментаторов Мишны, от христианских теологов, таких, как Фома Аквинский и Майстер Экхарт, до философов Нового времени, таких, как Лейбниц и Спиноза? ■

Статуи Маймонида и Аверроэса на их родине в Кордове. Крайнее фото слева: бронзовая статуя Маймонида на Тиверийской площади в старом квартале города. Работа скульптора Амадео Руиса Ольмоса. Слева: белая мраморная статуя Аверроэса близ городской стены и садов Алькасара. Внизу: карта, показывающая районы распространения ислама в средиземноморском бассейне в середине XI в. Указаны также города, связанные с жизнью и творчеством Маймонида и Аверроэса.

Map taken from «Maimónides y su época», catalogue of an exhibit on Maimónides held at Córdoba in 1985, Madrid, 1986

Философы аль-Андалуса

Мигель Крус Эрнандес

XII век был для Кордовы поистине веком культурного возрождения. Археологические раскопки свидетельствуют о том, что крупное поселение существовало здесь еще во времена финикийцев, а суда поднимались по реке Гвадалквивир до самой Кордовы.

Этот город, входивший в одну из римских провинций, славился своей красотой и своими жителями — среди них можно назвать Сенеку. С распространением ислама Кордова стала столицей аль-Андалуса — мусульманской

Андалусии, местом, где находился двор династии Омейядов. Она оставалась жемчужиной западного арабского мира, наиболее влиятельным, многолюдным и зажиточным городом Европы вплоть до XII столетия.

Несмотря на войны и прочие бедствия, до наших дней сохранились великолепные дворцы и храмы Кордовы; город по-прежнему окружает цветущие долины и сады, плодородные земли; неизменной осталась и слава города как научного и культурного центра.

На закате династии Омейядов в результате *фитны* (гражданской войны) город был сильно разрушен и оказался низведенным до уровня еще одного владения «удельных королей» — Аббасидов, правителей Севильи. Однако при Альморавидах и Альмохадах Кордова вновь стала столицей аль-Андалуса и оставалась центром искусства, науки и литературы вплоть до захвата ее христианами. Крестоносцы, вошедшие в город, были поражены его великолепием и не тронули знаменитую мечеть, которая сохранилась до наших дней.

После мусульманского завоевания в Кордове сосуществовали три монотеистические религии: иудаизм, христианство и мусульманство. Если не считать отдельных случаев преследования христиан во времена Абдаррахмана II, то в период с 711 по 1085 г. в городе царил религиозная терпимость. В эпоху правления Альморавидов (1085—1146) начались гонения на христиан и иудеев, усугублявшиеся в отношении христиан поддержкой, которую андалус-

ские мозарабы¹ оказали военному походу (*асейфа*) короля Кастилии Альфонса VII. С приходом Альмохадов иудеи и христиане были вынуждены либо покинуть свои земли, либо сделать вид, что приняли мусульманство, как это было с семьей Маймонида.

Совсем иная обстановка наблюдалась в области сосуществования культур, хотя оно и служило интересам доминирующей социальной группы, было не всегда одинаковым и распространялось на определенные слои населения. Так, среди правящей верхушки это были короли и сановники; что же касается остального населения, то мирно уживались друг с другом ученые, художники, ремесленники, зодчие, астрономы, землевладельцы, математики, врачи, философы, сборщики налогов, переводчики и т. д. По сути дела, на протяжении всего средневековья на Иберийском полуострове сохранялись две основные «установленные» культуры — латино-христианская и мусульманская. Был здесь и иуданизм, однако от его представителей требовалось принятие преобладающего в обществе образа жизни, овладение языком своих правителей и усвоение знаний и мудрости других народов. В данном случае это означало говорить и писать на арабском языке и глубоко изучить естественные науки и философию, как это сделал Маймонид.

Значение этого важного периода сосуществования культур, который позднее (во второй половине XII и в XIII в.) передал свои достижения средневековому христианскому миру, со всей силой проявляется в трудах двух выдающихся мыслителей, родившихся в Кордове и писавших на арабском языке: Аверроэса и Маймонида.

Аверроэс. Историю семьи Ибн Рушда можно проследить более чем на шесть поколений назад. Его дед (450—520 гг. хиджры/1058—1126 гг.), Абу-ль-Валид Мухаммед ибн Ахмед ибн Мухаммед аль-джадд, или дед, как его называют,

Photo © A. Muñoz de Pablos, Paris

Великолепие основанного Омейядами в аль-Андалусе халифата нашло свое художественное отражение в архитектуре мечети в Кордове (ныне собор). Заложенная в 786 г. Абдаррахманом I, представителем династии Омейядов, покинувшим занятый Аббасидами Дамаск и основавшим Кордовский эмират, мечеть на протяжении веков неоднократно расширялась и украшалась его преемниками. На с. 7: общий вид Кордовы, старого квартала города и мечети (в центре); на переднем плане римский мост через Гвадалквивир. Слева: типичный внутренний дворик в еврейском квартале. На заднем плане башня (бывший минарет) мечети.

¹ Испанские христиане, жившие под властью мусульман, но сохранившие свою религию и церковную организацию. — Прим. ред.

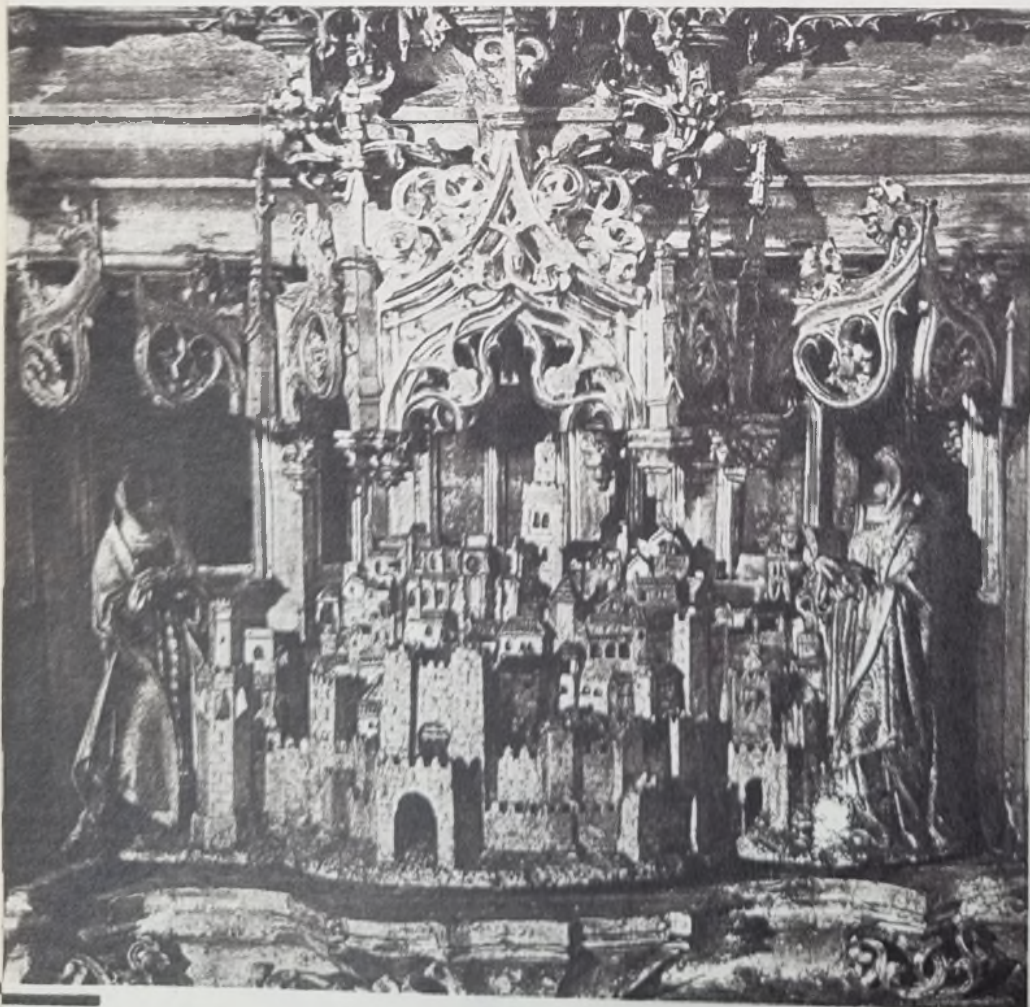

Центр политической власти, культуры и искусства, столица халифата Омейядов Кордова являлась в течение веков крупнейшим очагом цивилизации. Халифы приглашали ко двору музыкантов, поэтов, архитекторов, философов, нередко приезжавших из дальних стран, подобно великому персидскому музыканту Зирь-

ябу. Вверху: картина испанского художника Дионисио Байхераса (1862—1943), дающая представление о культурной жизни того времени (находится в Барселонском университете).

Севиля (Испалис, как ее называли римляне) была одним из крупнейших городов

аль-Андалуса. В течение долгого времени пост кадия (судьи) в этом городе занимал Аверроас, бывший блестящим юристом. Внизу: фрагмент ретабло в севильском соборе с барельефом города. На заднем плане знаменитая Хиральда, минарет бывшей мечети (ныне башня готического собора).

► чтобы отличить от знаменитого внука, был выдающимся правоведом, великим кадием (кади аль-джама) Кордовы, советником альморавидских и альмохадских правителей. Благодаря его советам мозарабы, помогавшие военному походу христианского короля Альфонса VII, были высланы, а не казнены, как того требовал обычай. До нас дошли несколько его работ, включая две монументальные юридические энциклопедии: «Мукаддама аль-мумахадат» и «Китаб ат-тахсил».

Отец Аверроаса, Абу-ль-Касим Ахмед Ибн Рушд (487—564 гг. хиджры/1094—1168 гг.), также был правоведом и великим кадием Кордовы. Он принимал участие в реформе образования, проводившейся по приказу альмохадских правителей. Его сын Абу-ль-Валид Мухаммед ибн Ахмед ибн Мухаммед аль-тафид, или внук, родился в Кордове в 520 г. хиджры/1126 г. и со временем стал величайшим из мусульманских философов и самым разносторонним среди тех из них, кто родился на Пиренейском полуострове.

Изучение арабской словесности, мусульманского права, медицины и философии Аверроас начал еще в юном возрасте. Если верить его биографам, он был настолько трудолюбив, что позволял себе не работать только два дня за всю свою жизнь: в день смерти отца и в день своей свадьбы. По имеющимся данным, первую ученую степень (иджаза, или licentia docendi) он получил в период между 1141 и 1146 гг., а женился между 1146 и 1153 гг.

В конце 1168 г. Ибн Туфайль, автор широко известной философской повести о Хайе ибн Якзане, представил Аверроэса альмохадскому султану Абу Якубу Юсуфу, врачом и визирем которого он тогда был. Султан поддерживал увлечение Аверроэса философией и даже предложил ему написать комментарий к работам Аристотеля. Монаршее покровительство сыграло большую роль в жизни Аверроэса, что было засвидетельствовано и самим философом, посвятившим преемнику Абу Якуба Юсуфа комментарий к «Государству» Платона. В 585 г. хиджры/1169 г. Аверроэс был назначен кадием Севильи. Он добросовестно исполнял свои обязанности и заслужил уважение жителей этого города, которые выступали в его защиту, когда он впал в немилость. Тринадцать лет спустя он был назначен великим кадем Кордовы и лейб-медиком при альмохадском дворе; новый султан, Абу Юсуф Якуб аль-Мансур, в 580 г. хиджры/1184 г. закрепил за ним эти посты.

После битвы при Аларкосе (18 июня 1195 г.), когда альмохадское войско разбило христиан, фанатичные *факилы* и *улемы* (мусульманские правоведы и богословы) Кордовы выступили против Аверроэса, обвинив его в ереси, в результате чего его труды были запрещены, а сам он был выслан в Люцену, где провел почти два года. В 595 г. хиджры/1198 г. султан даровал ему свое прощение, вернул придворные должности и вместе со своей свитой взял в Марракеш, возможно, для того чтобы защитить его от врагов в Андалусии. На девятый день месяца сафара 595 г. хиджры (10 декабря 1198 г.) в возрасте 72 лет Аверроэс скончался в этом марокканском городе. Через три месяца его останки перевезли в Кордову и похоронили на кладбище Аббадидов. Похороны, очевидно, носили торжественный характер; присутствовавший на них великий арабский мыслитель-суфий Ибн аль-Араби из Мурсии писал, что останки Аверроэса перевозили на муле: с одной стороны животного находилось тело умершего, с другой — в качестве противовеса — его книги. Отрывок из «Куллийят» позволяет заключить, что Аверроэс скончался от осложнения артрита, развившегося у него в юношеские годы после приступа ревматизма, от которого его неправильно лечили в детстве.

Считают, что у Аверроэса было более пяти детей. До нас дошли имена только двух из них: Абу Мухаммеда Абдаллаха ибн Рушда, который, подобно отцу, был врачом, философом и кадем, и Абу-ль-Касима Мухаммеда ибн Рушда, также кадия, умершего в 612 г. хиджры/1215 г. Имена остальных сыновей нам неизвестны, мы только знаем, что они были кадиями в аль-Андалусе. Из его внуков известен лишь один — Абу-ль-Аббас Яхья ибн Касим ибн Рушд, который тоже был судьей.

За свои смелые идеи Аверроэс на склоне лет был выслан в город Люцену, находящийся к югу от Кордовы. С этим городом была связана и жизнь семьи Маймонида. Справа: аркады церкви св. Иакова.

Аверроэс оставил солидное научное наследие. Ему приписывают 127 трудов, однако, скорее всего, их не больше 84; из них полностью сохранились 55 и частично — еще восемь. Эти труды составляют настоящую энциклопедию естественнонаучной, правовой, медицинской, философской и теоретической мысли. В соответствии с традицией средневековой учености часть этих трудов представляет собой толкование античного научного наследия («Corpus aristotelicum» в философии, «Corpus galenicum» в медицине и т. д.). По этой причине христианские схоласты утверждали, что Аверроэс написал три типа комментариев к трудам Аристотеля (тогда как фактически это три вида изложения философии древнегреческого ученого), и дали ему почетное имя — Комментатор.

Помимо подобных изложений Аристотеля, Платона, Евклида и Галена, Аверроэсу принадлежит много самостоятельных работ, таких, как «Китаб аль-куллийят» («Книга общих принципов медицины»), большая юридическая энциклопедия «Китаб аль-бидайа» («Ясное изложение»), знаменитое выступление в защиту философии от теологов-традиционалистов «Тахафут ат-тахафут» («Непоследовательность „Непоследовательности“»), в котором Аверроэс подвергает критике сочинение аль-Газали «Непоследовательность философов», а также теологические труды «Фасль аль-макаль» («Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией») и «Кашф ан манахидж аль-адилля» («От-

крытие путей толкования доводов религии»).

За кажущимися схоластическими формами и методами средневековой учености в произведениях Аверроэса прослеживается четкое разделение между естественнонаучным и философским знанием, с одной стороны, и теологией — с другой, а также идея человеческой мудрости, способной существовать самостоятельно, и даже концепция целиком светского общества. Не удивительно, что, когда идеи Аверроэса проникли в средневековый христианский мир, они вызвали настоящее брожение умов, а на их автора посыпались обвинения в атеизме и богохульстве.

В то же время в его трудах, посвященных естествознанию и медицине, содержится множество эмпирических наблюдений, связанных с астрономией, землетрясениями, жизнью растений, использованием мяса и шерсти овец и даже пищи того времени; причем приводятся и рецепты некоторых блюд: *резого* (мяса, приготовленного на медленном огне), ячницы, блюда из баклажан, ячменного отвара. Эти кушанья и по сей день характерны для испанской кухни.

Аверроэса отличали не только высокие человеческие качества, но и искренняя привязанность к родной Кордове, которую он считал прекраснейшим городом мира, и к своим соотечественникам, бывшим в его глазах наиболее образованными людьми того времени. Одновременно с этим он гневно обрушивался на тиранов всех эпох и в первую очередь — своих современников. «Нет ▶

Photo © Diodoro Urquía, Salbuero, Soria, Spain

► ничего хуже, чем быть деспотом», — читаем мы неоднократно в его трудах, а в его теории общественного устройства особое место уделено анализу диалектики господина и раба, восходящей к Платону и ставшей знаменитой благодаря Гегелю. Аверроэс был первым и чуть ли не единственным средневековым мыслителем, подвергшим критике положение женщины в обществе, где она «уподоблялась растению», ибо была лишена возможности реализовать себя в личной и общественной жизни. В его идеальном обществе свободно сложится необходимый порядок, исчезнут различия между «моим» и «твоим» и не будет изгоев.

Маймонид. 20-месячное изгнание Аверроэса в Люцену, небольшой город близ Кордовы, в прошлом известный своей еврейской общиной, породило легенду о том, что он и Маймонид знали друг друга. К сожалению, это не так. Семья Моше бен Маймона, известного как Маймонид, а также как Рамбам (анаграмма имени раввина Моше бен Маймона), действительно, долгое время жила в Кордове, однако ко времени появления Аверроэса в Люцене Май-

монид уже 30 лет как находился в Каире.

Маймонида были непоколебимо уверены в своем происхождении от царя Давида и гордились своими андалусскими корнями. Они постоянно жили в Кордове и пользовались широкой известностью и уважением местной еврейской общины. Раввин Исаак бен Маймон, отец Маймонида, дал ему жизнь в этом городе, где, согласно преданию, он родился в послеполуденный час, в субботу, 14 дня месяца нисана 4896 года по еврейскому календарю (30 марта 1135 г.). Здесь он изучил арабскую и еврейскую словесность, закон Авраама и Моисея. Однако в 542 г. хиджры/1147 г., когда альмохадская армия приближалась к Кордове, раввин Исаак вместе со своей семьей, в том числе сыновьями Давидом и Моше, покинули город и нашли убежище в Гранаде, где прожили до 1150 г. Затем семья переехала в Альмерию, где Моше бен Маймон продолжил учебу. Когда и этому городу стали угрожать Альмохады, семья Маймонов в начале 1160 г. покинула его. Они поселились в Фесе, где заявили о своем отказе от религии Авраама и Моисея, хотя втайне всегда оставались ее ►

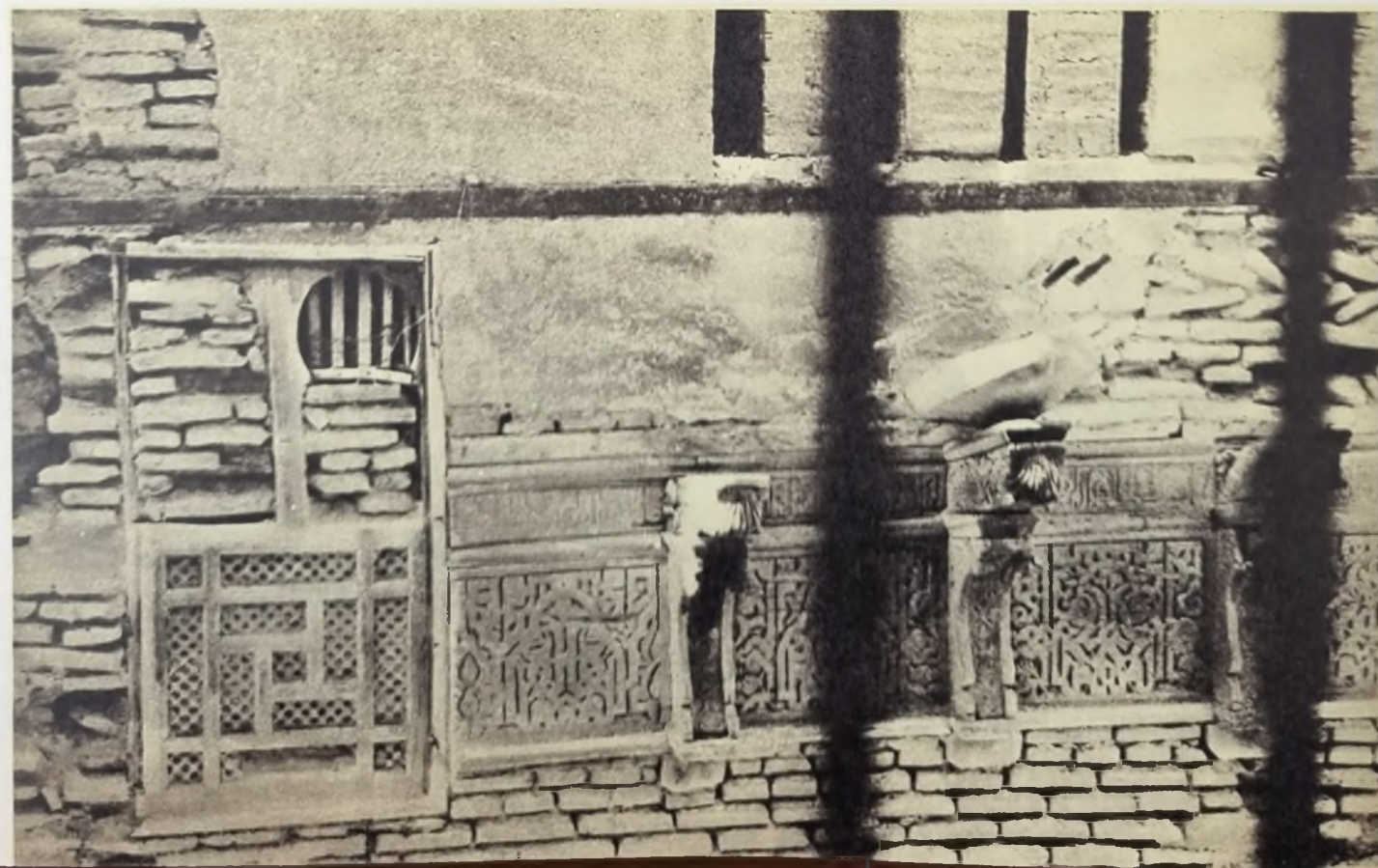
В 1198 г. Аверроэсу вернули его прежний статус при дворе Альмохадов в Кордове, и он отправился с султаном в Марракеш, где 10 декабря того же года скончался. Тело Аверроэса было перевезено в его родной город Кордову и там похоронено. Вверху: площадь Джемаа-аль-Фна и знаменитый рынок в Марракеше.

Пребывание в марокканском городе Фесе было важным этапом в долгих скитаниях Маймонида и его семьи. Здесь в течение пяти лет Маймонид изучал философию и естественные науки, здесь же он начал писать свои труды. Справа: за этим старым заложены кирпичами окном в доме Маймонида в Фесе, возможно, находился его кабинет. На фасаде здания до сих пор сохранились 8 из 12 бронзовых чаш, украшавших его в XII в. Считают, что Маймонид использовал их для своих астрономических вычислений. Вверху справа: библиотека в мечети Карауин (859 г.), самой древней и знаменитой в городе.

Photo Petri © Rapallo, Paris
Photo Unesco-Dominique Roger

Photo © Diodoro Urquía, Saldueño, Soria, Spain

▶ приверженцами. В Альмерии и Фесе Маймонид завершил изучение естественных наук, философии и теологии; в Фесе он начал писать свою первую книгу.

По-прежнему опасаясь за жизнь своей семьи, Исаак решил уехать на Восток, и в четвертый день месяца нисана 4927 г. (18 апреля 1165 г.) они сели на корабль, отплывающий к берегам Палестины. 3 дживана (16 мая) они прибыли в Акко, пережив жестокий шторм, едва не стоивший им жизни. В Акко они прожили шесть месяцев, затем отправились в Иерусалим и Хеврон для вознесения молитв на развалинах храма и у могил патриархов. Как утверждает легенда, в то время в Иерусалиме жили только четыре еврейские семьи, а сам город лежал в руинах, и именно эти руины, судя по всему, имел в виду Маймонид, когда писал, что причиной подобных разрушений являются люди и распри между ними: «Пусть даст мне господь спл во всех моих начинаниях, пусть поможет мне сдержать мои клятвы, пусть сбудется то, о чем я молился на развалинах».

Семья Исаака уехала в Египет и некоторое время прожила в Александрии. Маймониду исполнился 31 год, когда вновь его постигло несчастье: умер его отец и встал вопрос о поисках средств к существованию. Горе от кончины отца смягчали многочисленные соблазновения, присылавшиеся отовсюду, даже из далеких от Египта стран.

Проблема хлеба пашущего была решена благодаря младшему брату Давиду, который на полученное от отца наследство завел торговлю драгоценными камнями. Не исключено, что непримиримость еврейских «буквалистов» Александрии побудила Маймонида покинуть этот город и перебраться в Старый Каир (Фустат), где в 1168 г. он закончил свой пространный комментарий к Мишне.

Но несчастья продолжали преследовать его: скончалась его жена, а незадолго до этого умер Давид, к которому он был очень привязан и память о котором проносил через всю свою жизнь. Вновь ему пришлось думать о том, как свести концы с концами. Маймонид не хотел быть обузой для общины и решил зарабатывать себе на жизнь врачеванием. Он поделился своим замыслом с аль-Фадилем, визирем и секретарем знаменитого Саладина (Салах ад-Дина), который назначил его придворным медиком. Примерно в это время Маймонид женился вторично, на этот раз на сестре другого секретаря правителя, аль-Мати, который сам был женат на одной из сестер Маймонида, и у него родился сын Ибрагим.

В 1177 г. Маймонид стал главой еврейской общины, что не только означало признание этой общиной, но и было честью, оказанной Салах ад-Дин евреям, ибо это место после недостойного поведения предшественника Маймонида вот уже несколько лет оставалось незанятым. Маймонид нико-

гда не позволял называть себя *наджибом* (главой общины), хотя арабы, не считаясь с такой скромностью, постоянно упоминали его титул, когда писали о нем. Добросовестно исполняя свои официальные обязанности, Маймонид заслужил уважение своей добротой и гуманностью. Несмотря на свою занятость в качестве главы общины и придворного лекаря, в 1180 г. ему удалось завершить свой труд «Мишне-Тора», начатый 12 лет назад.

Биографы Маймонида подробно описывают его долгий рабочий день. Он вставал с первыми лучами солнца и верхом отправлялся во дворец в нескольких километрах к северу от Фустата. Там он вел занятия по философии и медицине и посещал больных. Во второй половине дня он возвращался в Фустат, где исполнял свои официальные обязанности и принимал пациентов, большинство которых были

В 1165 г. Маймонид со своей семьей отправился на корабле из Сеуты в Палестину. Высадившись в Акко, они прожили там некоторое время, затем посетили Иерусалим и другие места. Позднее они переехали в Египет и обосновались в Фустате (Старый Каир). Здесь Маймонид написал большинство своих трудов, возглавлял еврейскую общину и был лекарем при дворе султана Салах ад-Дина. Внизу на с. 13: синагога бен Эзра в Фустате близ дома Маймонида, куда, возможно, приходили он и его семья. Внизу на этой странице: мечеть аль-Азхар, заложившая в 970 г.

бедны. Порой их бывало так много, а он чувствовал себя настолько усталым, что давал свои медицинские консультации лежа.

И тем не менее именно в этот период своей жизни (1185—1200) он создал свой самый значительный и всеобъемлющий труд «Путеводитель для колеблющихся» («Далялят аль-харири»), написанный, как почти все его книги и письма, на арабском языке. В это время, в 1190 г., труды Аверроэса, как об этом свидетельствует сам Маймонид, достигли Египта. Маймонид считал, что мусульманский мыслитель из Кордовы «истолковывает Аристотеля должным образом». Однако из арабских мыслителей наибольшее влияние на него оказали мутазилиты, аль-Фараби и Аверроэс (Ибн Баджа), а также, возможно, андалусец Ибн Туфайль, о чем свидетельствует одинаковый подход, которого придерживаются оба философа в введениях к своим наиболее значительным трудам.

Слава Маймонида, которую он заслужил благодаря своей врачебной деятельности и трудам по медицине, а также благодаря «Путеводителю для колеблющихся», распространилась по всему арабскому миру и еврейским общинам. Например, в 1195 г. в Каир пришло письмо из Люлея (Прованс), в котором Маймонид превозносился как непревзойденный знаток Талмуда. Это совпало с трудным периодом в жизни Маймонида, ибо он

был болен и стал мишенью нападок и обвинений со стороны своих наиболее непримиримых противников. Однако подобные письма, равно как и уважение к нему со стороны султана аль-Афдаля, старшего сына и преемника Салах ад-Дина, приносили ему утешение в его душевных и телесных страданиях. Когда ученые мужи Люлея получили востребованный ими список «Путеводителя для колеблющихся», они возложили на еврея-сефарда Самуила бен Тиббона почетную и трудную задачу по переводу этого сочинения на еврейский язык. 30 ноября 1204 г. Самуил бен Тиббон завершил эту работу. Он надеялся лично вручить свой перевод Маймониду, но в ночь на 20 тебета 4965 г. (13 декабря 1204 г.) Моше бен Маймон скончался. В соответствии с его волей он был похоронен в Тиверии.

Маймонид оставил большое научное наследие. Ведущее место в нем занимают труды по медицине. Их научная ценность свидетельствует о большом прогрессе в лечебной практике Маймонида, сравнимом с достижениями тех, кого Аверроэс называл «новыми андалусскими врачами», имея в виду представителей семьи Ибн Зухров (Авензоаров в латинизированном варианте). Большое значение имеют также комментарии Маймонида к Мишне, внушительный труд «Мишне-Тора» и в первую очередь «Путеводитель для колеблющихся», значительнейшая веха в развитии еврей-

ской литературы. Вскоре после смерти Маймонида в еврейских общинах стали говорить, что «между Моисеем и Моисеем некого выбрать, кроме Моисея», другими словами, Маймонида стали называть вторым Моисеем. ■

МИГЕЛЬ КРУС ЭРНАНДЕС (Испания) — преподает исламскую философию в Автономном университете в Мадриде, ранее преподавал в университетах Гранады и Саламанки. Среди его многочисленных работ «Historia del pensamiento en el mundo islámico» (1981), «Historia del pensamiento en al-Andalus» (1985). Готовится также к изданию «Averroës: vida, obra, pensamiento e influencia».

В соответствии с желанием Маймонида его останки были перевезены из Фустата в Тиверию (Палестина) и там захоронены. Внизу: вырезанная на английском языке и иврите эпитафия на могиле Маймонида.

Photo © Diodoro Urquiza, Soria, Spain

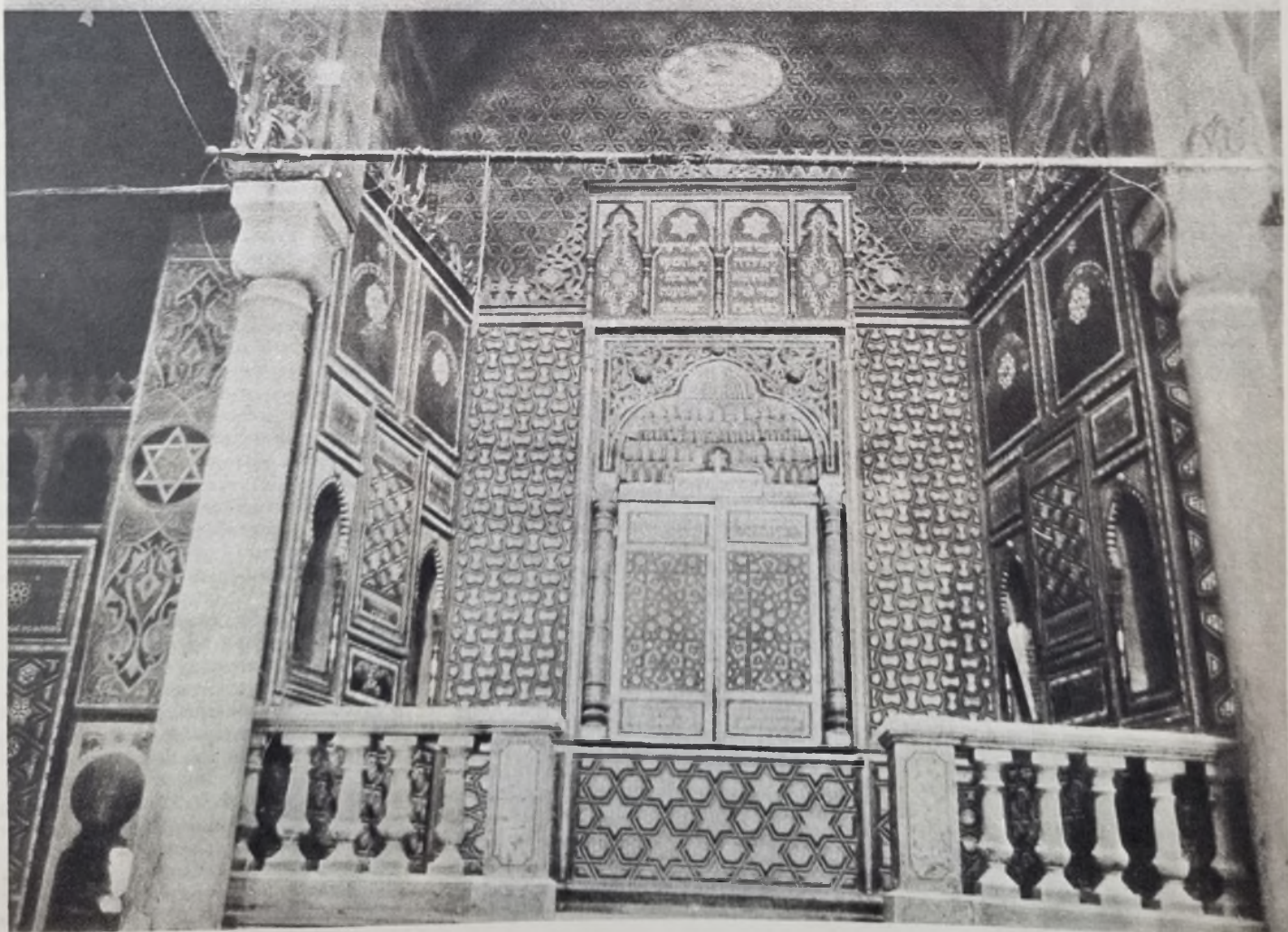

Photo UNESCO-V. Aitzegagh

Два представителя средневековой мысли

Мохаммед Аркун

Ибн Рушд (1126—1198) и Моше бен Маймон (1135—1204), известные на Западе как Аверроэс и Маймонида, благодаря глубине своего мышления, числу и разносторонности написанных ими трудов и преданному служению общинам, из которых они вышли, снискали себе славу ведущих представителей философской мысли XII в. Немаловажным является и тот факт, что они пользовались огромным влиянием в западном мире.

Оба родились в Кордове, прекрасной столице тогдашней мусульманской Андалусии, в семьях юристов (отец Аверроэса был великим кадием Кордовы, а отец Маймонида — раввином). Оба некоторое время жили в Марокко — Аверроэс под покровительством правителя альмохадской династии Абу-Якуба (1163—1184) и его преемника Абу-Юсуфа Якуба, получившего почетное имя аль-Мансур (1184—1199), в Марракеше (где он умер в 1198 г.), а Маймонида — в Фесе, где он нашел прибежище в 1160 г. В 1165 г. Маймонида был вынужден перебраться в Каир. Здесь он возглавил еврейскую общину и одновременно стал придворным медиком аль-Фадля, визиря египетского султана Салах ад-Дина (Саладина). Там же он и умер в 1204 г., ровно через шесть лет после смерти Аверроэса.

Родиться в семье судьи, в задачи которого входило следить за соблюдением религиозного закона в обществе, целиком подчиненном догмам богооткровенных религий, стать самому судьей или законоучителем и в то же время заниматься светскими науками, объединявшимися под общим названием философии, — таков был путь многих мыслителей того времени. Столкновение между боготкровенными религиями и греческой философской традицией уходит корнями во времена Филона Александрийского и отцов церкви. В исламе оно более четко стало проявляться с 3 в. хиджры (IX в.). По его собственным словам, Маймонида был духовно близок к мусульманскому философу аль-Фараби (878—950) и с большим почтением относился к философу и ученому Ибн Сине (Авиценна, 980—1037), хотя и высказывал некоторые критические замечания относительно его взглядов. Он также признавал влияние Аверроэса, который оставил XII веку наиболее достоверное толкование аристотелевской философии, критиче-

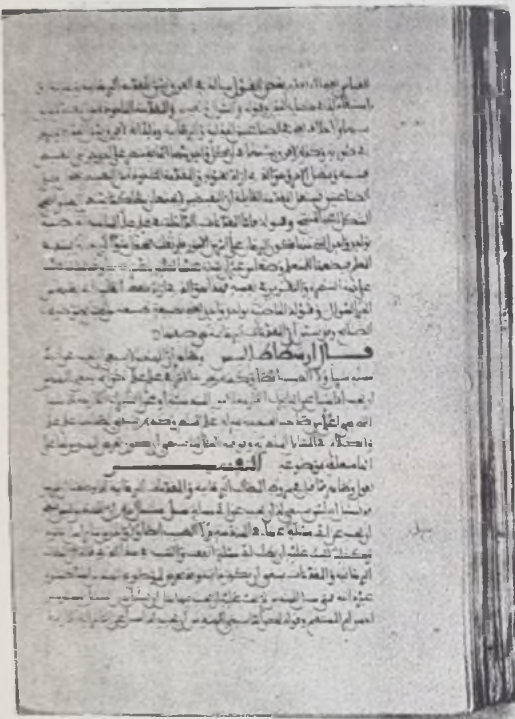
ски исследовав труды, создававшиеся арабскими мыслителями в течение четырех столетий.

Именно в таком историческом контексте следует рассматривать творчество этих двух «посредников». Я называю их «посредниками», ибо они сделали очень многое для того, чтобы «примирить» религию и рационалистическую философию того времени, а также создали метатеологический язык, позволивший установить прочную связь между тремя религиозными общинами, возникшими на основе одного и того же феномена откровения и вместе с тем безнадежно противостоящими друг другу, разделенными взаимоисключающими теологическими системами.

Даже сегодня христианство и иудаизм неохотно признают свой долг перед классической арабо-мусульманской философией в области науки и культуры. Определенные специалисты намеренно замалчивают тот факт, что почти все работы Маймонида написаны на арабском языке. Некоторые биографы утверждают, что Маймонида, возможно, даже принял ислам; но если такое обращение и было насильственным, оно проливает свет на отношения между религиозными общинами средневековья и различия их ритуалов и догм.

Во всяком случае, необходимо подчеркнуть, что труды этих двух мыслителей касаются вопросов как философии, так и религии. Глубоко исследовав рационалистические воззрения Аристотеля в своих подробно аргументированных комментариях, Аверроэс создал новый интеллектуальный климат и тем самым помог Маймониду и Фоме Аквинскому разработать теологические теории, которые нельзя считать целиком отошедшими в прошлое даже в наши дни.

Неоплатонизм «восточных» философов, диалектическую слабость рассуждений мусульманских теологов-ашаритов¹ и упрощенный юридический догматизм правоведов Аверроэс сопоставлял с доказательным методом («Аналитиками»), диалектическими рассуждениями («Топикой») и убеждающими речениями («Риторикой») — с категориями логики («Органона»), в которых находят отражение философская практика и подход Аристотеля. Предприняв попытку рационализации знания, Аверроэс, по-видимому, не

Страница из арабской рукописи, содержащей большой комментарий Аверроэса ко «Второй Аналитике» Аристотеля. Манускрипт выполнен магрибским шрифтом неизвестным переписчиком XIII в. В настоящее время хранится в библиотеке в Западном Берлине.

Photo © Orientalabteilung, Preussischer Kulturbesitz, Staatsbibliothek, West Berlin

Страница из второй части выполненного на пергаменте манускрипта «Путеводителя для колеблющихся» Маймонида. Перевод этого труда на еврейский язык был сделан уроженцем Прованса Самуилом бен Гибоном при жизни автора, который в письме давал ему советы, как лучше осуществить перевод. Известно, что в 1356 г. этот манускрипт использовался в качестве залогового залога (возможно, в испанском городе Уэска). Заголовок рукописи выполнен на фоне растительного орнамента.

был знаком с вкладом в эту область мутазилитов². Взгляды представителей этой влиятельной исламской школы, которая еще во 2—4 вв. хиджры (VIII—X вв.) сделала очень многое, чтобы восстановить доверие к разуму, не распространились на мусульманском Западе (аль-Андалус и Магриб) в результате оппозиции маликитских правоведов³, тех самых юристов, которым удалось добиться изгнания самого Аверроэса в конце его жизни.

Общественно-политическое положение правоведов (*фукаха*) было постоянным фактором в истории интеллектуальной деятельности и религиозной мысли на мусульманском Западе. В результате сильного идеологического давления маликитская школа утвердилась здесь как единственное выражение ислама. С падением Кордовского халифата (1031), распадом мусульманской Испании на мелкие удельные королевства и растущей угрозой христианской Реконкисты ислам начал культивировать идеологию борьбы (*джихада*), с тем чтобы мобилизовать свои силы; это повышало роль правоведов и в еще более значительной степени роль проповедников. Таким образом, было бы целесообразнее изучить социальные и идеологические условия интеллектуальной деятельности на мусульманском Западе, чем рассуждать о «религиозном фанатизме» Альморавидов и Альмохадов.

Трудности, испытанные Аверроэсом, и обращение в другую веру Маймонида, было ли оно чисто внешним или искренним, являются показателями общего климата того времени. Более того, выходя за рамки специфического положения в Андалусии, они свидетельствуют о столкновениях во всех странах ислама между «рационалистическими», «пришлыми» науками (*ақлийя-дазилля*) и науками «религиозными», или «традиционными» (*динийя-нақлийя*). Происходившая в 3 в. хиджры (IX в.) в Багдаде борьба между мутазилистами и ханбалитами⁴ отражала как социокультурный раскол, так и различие взглядов относительно возможностей, путей и источников знания.

Этот вопрос, привлекавший внимание Аверроэса, за сто лет до него рассматривал с теоретических позиций аль-Газали (1058—1111)⁵. В своем труде «Ихья улум ад-дин» («Воскрешение религиозных наук») аль-Газали яростно выступал против удушающего бук-

Photo © Bodleian Library, Oxford

Photo © Bodleian Library, Oxford

Страница из выполненного на бумаге манускрипта работы Маймонида «Мишне-Тора». Внизу рукой самого автора написано: «Верная копия моей книги, сделанная мною самим, Моше, сыном Маймона — да будет благословенна память об этом праведном человеке». Это самый старый из известных автографов Маймонида. «Мишне-Тора», главный религиозный труд Маймонида, основанный на философских взглядах Аристотеля, представляет собой обширный и подробный свод законов и правил.

► вализма правоведов, гностических построений приверженцев эзотерических учений (*аль-багинийя*) и еретических отклонений философов (*фаласифа*). И все это во имя духовной религии, открытой для рационального познания в строгих границах богооткровенных положений, не подлежащих критическому анализу.

Аверроэс избрал аль-Газали своим оппонентом, чтобы продолжить спор об отношении между философией и рели-

«Глубоко исследовав рационалистические воззрения Аристотеля в своих подробно аргументированных комментариях, Аверроэс создал новый интеллектуальный климат и тем самым помог Маймониду и Фома Аквинскому разработать теологические теории» (М. Аркун). Ибн Рушид, посредник в полном смысле этого слова, пытался «соединить» философский рационализм с богооткровенной религией. Это стремление стало основной чертой всех западноевропейских схоластов, особенно Фомы Аквинского. Ибн Рушид оказал значительное влияние на развитие европейской философии в средние и более поздние века, хотя новизна и смелость его идей не раз вызвали гнев ревнителей христианской и исламской традиций. Внизу: справа на фрагменте фрески итальянского живописца XV в. Андреа да Фиренце изображен Аверроэс. Фреска находится в Испанской капелле церкви Санта-Мария-Новелла во Флоренции. Деталь фрески с изображением Аверроэса воспроизведена на обложке этого номера.

гией, перенеся его на философскую (в настоящее время мы сказали бы на научную) основу. В своем трактате «Фасль аль-макаль фи-ма байна-ш-шариа ва-ль-хикма мин аль-иттисаль» («Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией») Аверроэс дает ответ на работу аль-Газали «Файсал ат-тафрика байна-ль-ислам ва-в-андака» («Различие между исламом и неверием»); в «Тахафут ат-тахафут» («Непоследовательность „Непоследовательности“») он опровергает другую работу аль-Газали — «Тахафут аль-фаласифа» («Непоследовательность философов»). В своей «Кашф ан манахидж аль-адилля» («Открытие путей толкования доводов религии») он обнажил в общих чертах слабость методологии теологов (*муга-каллимун*), а также написал серьезный трактат об основных источниках права («Бидаят аль-муджтахид»).

Все эти труды показывают, как сильно было желание Аверроэса оставаться мусульманином и на основе научных знаний своего времени рационально подходить к решению всех проблем, возникающих в результате столкновения между богооткровенными положениями Корана и строго философской точкой зрения. Латинские комментаторы, а позднее французский писатель Эрнест Ренан недооценивали философское наследие Аверроэса, считая его

лишь автором комментариев к трудам Аристотеля. Что касается мусульманских ученых, то они настолько не доверяли Аверроэсу как философу, что подчас забывали, что он был, как и они, мусульманским мыслителем.

Маймонид и Фома Аквинский восприняли интеллектуальные построения Аверроэса и пытались применить их к мировоззрению своих общин, используя тот же самый философский подход, тот же концептуальный аппарат и ту же методологию для систематизации толкований своих религий. Для всех трех богооткровенных религий самой серьезной проблемой оставалось установление согласия между верой и разумом, между религиозным законом и положениями, носящими всеобщий и необходимый характер, между религиозными рассуждениями и принципами аристотелевской логики. Тора, каноническое право и шариат — эти своды «божественных» заповедей в толковании законоучителей сохраняют свое главенствующее положение. Возникающие трудности связаны не с нормами, выводимыми таким образом из «откровения», а с догматами, на которых зиждется сама религия. В основе конфронтации с философией лежат три главных положения: сотворение мира, каузальность и посмертное существование души (бессмертие и дуализм души и тела).

Рамки данной статьи не позволяют заняться подробным обсуждением этих вопросов, которые в современной науке переместились на совершенно иной уровень исследований; гораздо больший интерес, очевидно, представляет изучение вопроса, в какой степени Аверроэс и Маймонид были и остаются сегодня посредниками между тремя общинами и тремя историческими судьбами.

Умственная жизнь и культура в арабоязычном мире достигли своего наивысшего расцвета в 6 в. хиджры (XII в.) благодаря трудам, создававшимся на Востоке и на мусульманском Западе начиная со 2 в. хиджры (VIII в.). Интеллектуальное и научное превосходство арабского мира того времени подтверждают многочисленные переводы на еврейский язык и на латынь работ по философии, медицине и естественным наукам, написанных на арабском языке авторами, не все из которых были мусульманами. Евреи и христиане, жившие в арабском культурном окружении, думали и писали на арабском языке, обогащая таким образом сферу познаний и расширяя диапазон интеллектуальной деятельности, которая выходила за пределы, установленные религиозными нормами каждой из трех общин. Маймонид принадлежит к величайшим еврейским мыслителям, которые писали на арабском языке работы в той области, где больше всего ощущалось сближение интеллектуальных и культурных ценностей. — в философии, как ее понимали и культивировали в Средние века.

Его работы были очень скоро переведены на еврейский язык. Уже в 1204 г. появился сделанный Самуилом бен Тиббоном перевод сочинения Маймонида «Путеводитель для колеблющихся». Знакомясь с такими переводами, читатели и не думали о том культурном и интеллектуальном климате, в котором жил, трудился и создавал свои произведения Маймонид. Сегодня политическая ситуация такова, что многие израильтяне не любят вспоминать о глубокой связи мыслителя с философскими учениями, изложенными на арабском языке. Но именно в этом свете роль Маймонида приобретает еще большую ценность.

То же самое можно сказать о Фоме Аквинском, хотя он и писал все свои труды на латыни. Своим интеллектуальным развитием он обязан, в частности, Аверроэсу. Благодаря ему он стал одной из ведущих фигур того духовного мира, который был основан на аксиологической системе, общей для средневековой интеллектуальной среды, названной в моих работах⁶ «Общинами Писания». Под «Общинами Писания» я имею в виду все те общества, жизнь, организация и культура которых основываются на феномене «откровения» (единный живой бог, «являющий» себя людям в какой-то момент истории, с тем чтобы передать им свои заповеди, становящиеся затем основой религиозного закона) и на философской культуре, которая способствует поиску разумного порядка вещей. Эти две линии — откровение и научный философский рационализм — стимулировали

средневековую мысль, независимо от религиозной привязанности ученых, в воззрениях которых в тот или иной момент преобладали либо религия и «ортодоксальная» традиция, либо разум. В целом вся средневековая мысль была отмечена поисками ответа на вопрос, как установить согласие между боготкровенным знанием и логически необходимыми требованиями разума.

Как Аверроэсу, так и Маймониду удалось достигнуть удовлетворительного, с их личной точки зрения, равновесия, которое они стремились воплотить в тщательно продуманных системах. В них они интегрировали рационалистическое знание (философию) и религиозный закон: шарият со всеми его толкованиями, а также Тору.

Рационалистические комментаторы трудов этих двух мыслителей считают возможным или необходимым представить их авторов как сторонников «чистого» разума и философии, которая если и не была целиком светской, то по крайней мере отличалась от религиозной мысли. Однако если рассматривать Аверроэса и Маймонида как «скрытых философов», следует не при-

Страница из рукописи «Путеводителя для колеблющихся» в переводе Самуила бен Тиббона, выполненной на пергаменте в 1348 г. в Барселоне Леви бен Исхаком, сыном Каро, из Саламанки для врача Р. Менахема Бесалея и несколько позже украшенной христианским художником миниатюрами и орнаментом в каталонском готическом стиле. На миниатюре изображен астроном с астралабией, беседующий со своими учениками. По мнению одного специалиста, это Аристотель, объясняющий происхождение мира.

нимать во внимание те функции судей, которые они выполняли каждый в своей общине, равно как и их работы, касающиеся «религиозных наук» того времени.

Подобно всем ученым своего времени, Маймонид был движим благородной мыслью об ответственности «интеллектуала», способного объяснить верующим религиозный закон и в то же время отдающего себе отчет в том, что люди находятся на различных ступенях познания. В третьей книге «Путеводителя для колеблющихся» с помощью притчи он дает наглядное представление о различных стадиях и уров-

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА С. 20

МАЙМОНИД

Маймонид рассказывает, как он проводит день в Каире

Я живу в Фустате, тогда как дворец султана находится в Каире. Обязанности при дворе отнимают у меня очень много времени. Каждое утро я должен являться к султану, а когда он либо кто-то из его детей или жен нездоров, я не осмеливаюсь, как обычно, покидать Каир и почти весь день должен проводить во дворце. Мне приходится также осматривать то одного, то другого из его придворных. Поэтому изо дня в день с рассветом я уезжаю в Каир, и, даже если не случается ничего неожиданного, что заставило бы меня остаться там, терзаемый голодом, я возвращаюсь в Фустат лишь во второй половине дня или позже.

К этому времени мой дом уже полон людей, с нетерпением ждущих меня, — здесь евреи и представители другой веры, знатные и простолюдины, судьи и служащие, друзья и недруги. Я спешиваюсь, мою руки и иду в прихожую, моля бога о том, чтобы он послал этим людям терпение, пока я быстро перекушу — это практически моя единственная трапеза за целый день. Потом я принимаю больных, назначаю лекарства и лечение в зависимости от их недугов, а люди все идут и идут, и это продолжается до темноты, даже после захода солнца два часа спустя, клянусь законом, и за все это время у меня во рту не бывает маковой росинки. И когда спускается ночь, я уже настолько обессилен, что, отправляясь спать, не могу пожелать добрых снов моим домочадцам.

Только по субботам мне удается побеседовать с единоверцем или предаться размышлениям в одиночестве. После утренней молитвы в моем доме собирается вся община или по крайней мере ее значительная часть; я даю им советы о том, как наилучшим образом вести дела на будущей неделе, мы вместе размышляем, а во второй половине дня они уходят. Некоторые из них позже возвращаются для занятий, которые длятся до вечерней молитвы. И так проходят мои дни.

«Письмо Самуилу бен Тиббону»,
сентябрь 1199 г.

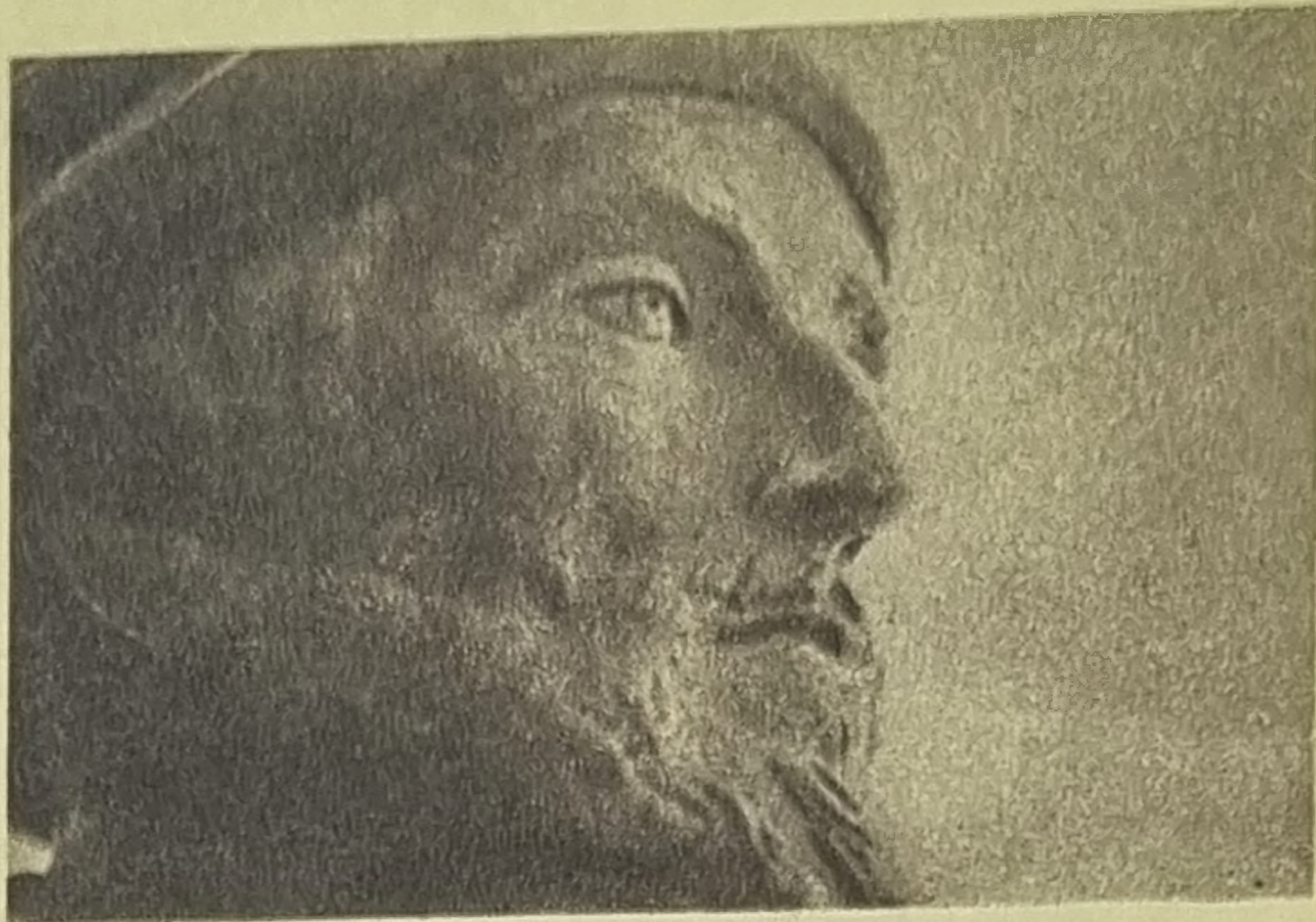

Photo © Diodoro Urquiza, Salduero, Sorla, Spain

О социальной природе человека

Достаточно полно доказано, что человек по своей природе является существом социальным, что в силу самой своей природы он стремится к созданию общества; таким образом, человек отличен от других живых существ, которые не испытывают нужды в объединении в сообщества. Он, как известно, высшая форма творения и поэтому состоит из наибольшего числа составляющих элементов; по этой причине человечество представлено таким большим многообразием индивидов, что нельзя найти двух людей, чьи нравственные качества или внешность были бы совершенно одинаковы. Причина тому — многообразие человеческого характера... Оно не встречается ни у каких других живых существ, ибо многообразие любого другого вида ограничено; исключением является лишь человек; два человека могут во всех отношениях настолько отличаться друг от друга, что кажутся принадлежащими к разным видам... Это огромное многообразие и потребность в общественной жизни являются сущностными чертами человеческой природы. Однако для блага общества требуется предводитель, способный управлять действиями людей.

«Путеводитель для колеблющихся»

Невежество — корень всех зол

Всякое великое зло, которое один человек причиняет другому в силу определенных устремлений, желаний, мнений или религиозных принципов, истекает от небытия, ибо зарождается оно в невежестве, а невежество — это отсутствие мудрости... Точно таким же образом различные разряды людей, каждый из них соразмерно со своим невежеством, причиняет зло самим себе и другим представителям своего вида. Если бы люди обладали мудростью, они не причиняли бы никакого зла ни себе, ни другим.

«Путеводитель для колеблющихся»

Совершенствование разума — высшая форма истинного совершенства человека

Древними и современными философами доказано, что человек может обрести четыре вида совершенства. Первый, низший вид, на который люди тратят свои дни, — это обретение совершенства в отношении собственности: денег, одежды, утвари, слуг, земель и тому подобного... Второй вид касается человеческого тела в большей мере, чем первый. Он означает совершенствование телосложения человека... Третий вид совершенства более тесно связан с самим человеком, чем второй. Он означает нравственное совершенствование, высшую степень превосходства человеческого характера... Четвертый вид совершенства — это истинное совершенство человека, обладание высшими интеллектуальными способностями. Благодаря этому виду совершенства человек достигает и своей конечной цели, оно дает ему истинное совершенство, принадлежит только ему, дарует ему бессмертие, и именно благодаря ему он называется человеком.

«Путеводитель для колеблющихся»

Трудности при работе над «Комментарием к Мишне»

Я завершил эту работу, сдержав данное мною, когда приступал к ней, слово, горячо моля Всемогущего охранить меня от ошибок. Но если кто-либо найдет ошибку в моем комментарии или знает лучшее объяснение, я с готовностью приму его замечания, и мое оправдание будет только в том, что я отдал этой работе гораздо больше сил, чем те, кто пишет ради вознаграждения или движим корыстью. Я работал в очень трудных условиях, ибо небеса пожелали, чтобы я жил в изгнании и вел жизнь странника, поэтому я был принужден писать этот труд в путешествиях по суше и по морю. Следует также помнить, что в эту пору у меня были и другие обязанности, отнимавшие много времени, но я предпочитаю первое объяснение, дабы поощрить тех, кто захочет выступить с критикой моего труда или похвалой ему, а также одновременно объяснить причину того, почему он занял у меня столько времени. Я, Моше бен Маймон, начал эту работу в возрасте 23 лет, а завершил ее в Египте 33 лет от роду, в 4929 г. по еврейскому календарю (1168 г.).

«Комментарий к Мишне»

АВЕРРОЭС

О положении женщин в средневековом мусульманском обществе

Будучи существом, входящим в один вид с мужчиной, говорим мы, женщина с необходимостью должна иметь с ним одни и те же цели. Она лишь в большей или меньшей степени отличается от него... Коль скоро природа мужчины и женщины одинакова и поскольку одинаковая природа должна выражаться в одинаковой гражданской деятельности, то ясно, что женщины в городе должны заниматься той же деятельностью, что и мужчины... Равным образом, когда некоторые женщины получают хорошее образование и обнаруживают должное предрасположение, не исключена возможность, что из них выйдут философы и правители... Однако возможности женщин в данных городах остаются неизведанными, ибо их берут лишь для того, чтобы они продолжали род, служили своим мужьям, рожали, кормили и воспитывали детей. Поскольку женщины в данных городах не подготовлены к обретению каких-либо человеческих добродетелей, они зачастую напоминают здесь растения. Они оказываются бременем для мужчин, что становится одной из причин бедности этих городов. В самом деле, женщин здесь вдвое больше, чем мужчин, а их образование не позволяет им заниматься какими-либо полезными делами, за исключением немногих, таких, как искусство прядения и ткачества — единственное, что дает им возможность приложить свои силы.

«Аверроэс о «Государстве» Платона»

Необходимость социального единства

Нет большего вреда в правлении городом, чем такое правление, при котором единый город превращается во множество городов; точно так же нет большего блага для городов, чем соединение их и слияние в единое целое. А раз так, то ясно, что, разделяя одни и те же радости и горести, люди привяжутся к этому городу и будут помогать ему... Поэтому говорят, что близость людей друг к другу приносит им только пользу. В целом ничего нет более чреватого для города бедами и смутами, чем когда его жители начинают о чем-то говорить: «Это мое, а это — чужое».

«Аверроэс о «Государстве» Платона»

Photo © Scala, Florence

Психология зрения

Зрение обладает свойством улавливать цвета материальной реальности, и потому оно должно адекватно адаптироваться к материи. Благодаря этой адекватности оно может быть абстрагировано путем умозрения и размышления... Чувство зрения воспринимает также формы предметов следующим образом: прежде всего воздух получает воспринимаемые формы посредством света, передавая их глазной ткани; после этого общее чувство воспринимает формы предметов. Ткань содержит стекловидное тело, напоминающее зеркало, по своей природе нечто среднее между водой и воздухом, благодаря чему оно может улавливать образ из воздуха, который действует также подобно зеркалу и передает его водянистому телу, которое по своей природе способно вступать в контакт с двумя средами... Из этого общее чувство воспринимает формы и передает силе воображения, где происходит их восприятие в полностью отвлеченном от материи виде. Поэтому говорят, что воспринятая форма проявляется в трех степенях: первая — это ощущаемая в глазу, вторая — отвлеченная от материи в общем чувстве и третья — нематериальная в силе воображения. От этих степеней осуществляется переход в другие, более возвышенные и благородные — в память и мышление.

«Книга общих принципов медицины»

Перводвигатель неподвижен и вечен

Если существует перводвигатель, предшествующий всем движениям во времени или по сущности, то это движение могло бы осуществляться либо в подверженном возникновению и уничтожению, либо в вечно движущемся теле. Так, Аристотель говорит, что если бы это было возникающим движущимся телом, оно не было бы первым двигателем по природе или во времени, ибо нельзя утверждать, что перводвигатель — это некая форма, возникающая в движущемся теле.

«Трактат о физике»

Лишь самое возвышенное знание дарует счастье

Подобно тому как голод и жажда суть и опустошение тела, и его опустошенность, точно так же невежество и отсутствие знаний выступают как опустошение и опустошенность по отношению к душе. Таким образом, два человека получают удовлетворение: тот, кто принимает пищу, и тот, кто приобретает знания. Но истинное насыщение достигается лишь посредством того, что обладает самым возвышенным бытием... Тогда, если насыщение при восприятии чего-то доставляет вообще удовольствие, то всегда более предпочтительным будет то удовольствие, которое приносит восприятие того, что по своей сути более благородно, более достоверно и более стойко. Именно так обстоит дело с удовольствием, испытываемым разумом, по отношению к другим удовольствиям.

«Аверроэс о «Государстве» Платона»

О пользе оливкового масла

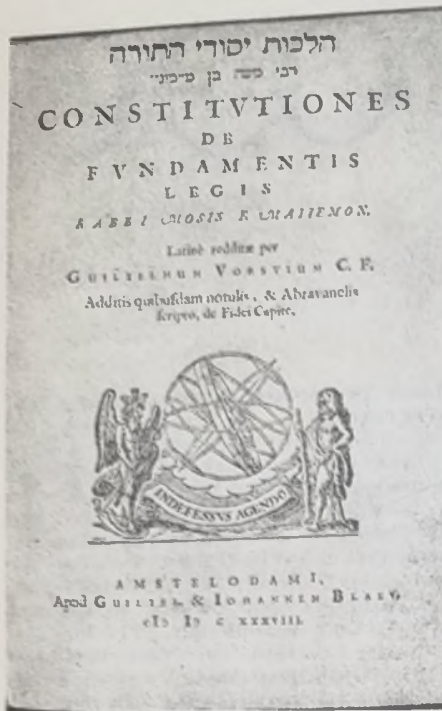
Если оно получено из спелых, хороших маслин и его свойства не подвергались искусственным изменениям, масло прекрасно усваивается человеческим организмом... Пища, приправленная оливковым маслом, питательна, если оно свежее и не очень кислое... В целом это масло полностью принимается человеческим организмом, и поэтому дома, в аль-Андалусе, мясо приправляют только им, ибо это наилучший способ приготовления мяса. Это делают таким образом: надо положить мясо в котел, в который налито масло, затем добавить воды и готовить на медленном огне, не доводя до кипения.

«Книга общих принципов медицины»

Тяжелое положение тирана

Таково положение, в котором обязательно оказывается тиран: он узник своего положения, полный алчности и страха. Более того, он терзаем великой алчностью внутри себя и не может быть себе хозяином. Поэтому он не может идти, куда ему вздумается, и смотреть на то, на что ему хочется смотреть... Одна из худших черт такого человека в том, что он не способен сдержаться и преодолеть себя, однако он пытается руководить другими людьми... Тиран — наиболее закабаленный из всех людей, так как он не имеет средства для удовлетворения своих желаний, он всегда печален и мрачен. Душа такого человека обеднена, поэтому он завистлив, жесток и не имеет друзей... Нет сомнений в том, что он по необходимости всегда обеспокоен и несчастен.

«Аверроэс о «Государстве» Платона»

Титульный лист латинского перевода «Основ закона» (первой части четвертой книги «Мишне-Тора»), опубликованного в 1638 г. в Амстердаме.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СО С. 17

► нях любого подлинного стремления к познанию. Я привожу здесь полностью весь отрывок, поскольку его содержание ничем не отличается от взглядов мусульманских мыслителей и раскрывает ту атмосферу интеллектуального, духовного и культурного синтеза, в которой творили христианские, мусульманские и еврейские ученые, озабоченные вопросом об отношении между «откровенным» и философской культурой.

«Я начну свое рассуждение в этой главе с притчи. Во дворце живет царь; часть его подданных живет в городе, а часть — за его пределами. Из тех, кто живет в городе, одни обращены спиной ко дворцу государя и направляются в противоположную от него сторону; другие же обращены к нему лицом и направляются к нему, проявляя желание и усердие войти во дворец и предстать перед государем, но пока не видят даже стен дворца. Из тех, кто желает войти во дворец, одни все же добиваются до него и ходят вокруг, разыскивая дверь; другие находят ее и, попав внутрь, блуждают в коридорах; третьим же удается войти во внутренние покои и оказаться в одном зале с царем. Однако им пока не дано ни лицезреть государя, ни говорить с ним; но и проникнув во внутренние покои дворца, они должны приложиться еще немало усилий, прежде чем им удастся предстать перед царем, видеть его — издадена или рядом, слышать его слова или обращаться к нему. Теперь я объясню эту притчу. Люди, находящиеся за пределами города, — это все те, у кого нет никакой религии — ни основанной на умозрении, ни полученной по традиции.

Живущие в городе, но обращенные спиной ко дворцу — это те, кто имеет определенное мнение и мысли, но при-

держивается взглядов, противоположных истине, вследствие ли грубых ошибок, допущенных в их собственных рассуждениях, или потому, что они последовали за теми, кто сам пребывал в заблуждении. Следуя неверным взглядам, они все более удаляются от дворца. Они гораздо хуже, чем первые, и при определенных обстоятельствах может возникнуть необходимость искоренить их мнения, дабы не вводить в заблуждение других.

Те, кто обращен лицом ко дворцу и стремится войти в него, но не видит даже его стен, — это масса верующих, которые соблюдают заповеди, но остаются невежественными. Те, кто добивается до дворца и ходит вокруг, — это люди, которые посвящают себя изучению лишь практического закона; они традиционно придерживаются истинных мнений, обсуждают вопросы отправления обрядов, но совершенно не занимаются теоретическим рассмотрением основоположений религии и не пытаются установить истинность какого-либо убеждения путем доказательства. Те, кто принимается за теоретическое рассмотрение основоположений религии, — это люди, оказавшиеся в приемной дворца; их, несомненно, также можно разделить на несколько групп. И наконец, те, кому удается найти доказательство всего, что может быть доказано, кто в вопросах метафизики достиг достоверного знания там, где достижение его возможно, или приблизился к такому знанию там, где приближение к нему осуществимо, — это люди, проникшие во внутренние покои дворца и представшие перед царем.

Знай, сын мой: пока ты будешь заниматься лишь математическими науками и логикой, ты будешь принадлежать к тем, кто ходит вокруг в поисках входа; когда ты постигнешь физику, ты войдешь в коридоры дворца; а когда, завершив изучение наук о природе, постигнешь метафизику, ты попадешь во внутренние покои и окажешься в одном зале с царем. Ты достигнешь уровня мудрых, в число которых входят люди разной степени совершенства» («Путеводитель для колеблющихся», III, 51).

Аверроэс еще более настойчиво, чем Маймонид, подчеркивал пагубность посвящения в «философские толкования широкой публики, тех, кто не может их постичь». И не потому, что его отношение к философии было аристократическим или элитарным, не потому, что он хотел сохранить свою репутацию, стараясь казаться добрым мусульманином; просто он разделял с другими знатоками религиозного закона — аль-Газали придерживался точно таких же взглядов, в частности в отношении *калама* (мусульманской теологии), — специфически религиозное убеждение: ставшая верующих, надобно проявлять чрезвычайную осторожность, дабы «не увести их в сторону от божественного закона», и следовать в этом примере «божественного законодателя, который печется о здоровье души так же, как врач печется о здоровье тела».

Правда, следует сказать, что Маймонид члены его общины признавали и

уважали гораздо больше, чем Аверроэса мусульмане. Это, несомненно, объясняется тем, что Маймонид составлял «путеводителя» по ортодоксальной вере. Так, в своем «Комментарии к Мишне» он изложил в тринадцати пунктах принципы, которые с XIV в. используются в стихотворной форме в ежедневном ритуале сефардских общин. Религиозные общины, считал Маймонид, нуждаются в определенных ритуалах, в то время как Аверроэс не придавал этому вопросу особого значения, поскольку он был представителем наиболее многочисленной и соответственно самой влиятельной, особенно во время правления Альмохадов, общины.

Как бы то ни было, век Аверроэса и Маймонида, вскоре сменявшийся веком Фомы Аквинского, заслуживает переосмысления и нового подхода, свободного от притязаний на превосходство со стороны воинствующих теологов, игнорирующих средневековую мысль.

В университетах Западной Европы философия обычно изучается на факультетах востоковедения, которым часто отводится второстепенная роль. Чтобы исправить это положение, следует подвергнуть научному пересмотру всю историю культуры Средиземноморья в Средние века, включая философию, теологию и историю наук. Такой урок мы можем почерпнуть из творчества двух великих посредников в средневековой мысли, о которых я рассказал здесь в самых общих чертах. ■

1. *Ашариты* — последователи мусульманского теолога аль-Ашари (873—935), пытавшиеся примирить диалектические (в аристотелевском смысле) методы рассуждения с ортодоксальными верованиями и создать новую форму схоластики в исламе. — Прим. ред.
2. *Мутазилиты* — представители мусульманской философской школы, возникшей в VIII в. Подчеркивали роль разума в толковании религиозного учения, свободу воли, противопоставляли ее предопределению, утверждали единство и справедливость Аллаха. — Прим. ред.
3. *Маликиты* — последователи одной из четырех суннитских религиозно-правовых школ, возникшей в VIII в. Маликиты опирались на традиционные мнения и суждения по аналогии в противовес строгому следованию хадисам (традициям, касавшимся деяний и высказываний пророка) как основе юридического суждения. — Прим. ред.
4. *Ханбалиты* — последователи религиозно-правовой школы, придерживающейся буквального прочтения Корана и хадисов при формулировании юридических решений. — Прим. ред.
5. Этому великому мусульманскому мыслителю будет посвящена часть декабрьского номера «Курьера ЮНЕСКО» за этот год.
6. «Pour une critique de la raison islamique», Maison-neuve-Larose, 1984, и «Lectures du Coran», 1982.

МОХАММЕД АРГУН — родился в Аджире, преподает историю мусульманской мысли в Новой Сорбонне, Парижский университет Ш, директор Института арабских и исламских исследований при этом университете. Ранее преподавал в Лионском университете, преподавал в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, Католическом университете и Лёвена, Принстонском университете и Папском Институте арабских исследований в Риме. Читал курсы лекций во многих учебных и культурных центрах мира. Среди его многочисленных работ: «La pensée arabe» (1979), «L'Islam, religion et société» (1981), «Lectures du Coran» (1982) и «Essais sur la pensée islamique» (1984).

Человек и общество

Шалом Розенберг

Прошло 850 лет со дня рождения Маймонида, но его труды до сих пор вызывают жаркие споры среди исследователей.

В основе этого лежат различные причины, некоторые из которых носят субъективный характер. В талмудической традиции, например, Маймонид стал чем-то вроде «чернильной кляксы» из психологического теста Роршаха, на которую люди проецируют свои идеалы, а иногда, хотя и очень редко, свою враждебность.

С одной стороны, благодаря своим энциклопедическим знаниям, глубине и масштабности мышления Маймонид завоевал авторитет среди ученых самых разных отраслей знаний. С другой стороны, цельность его натуры и духовная щедрость возвысили его в глазах многих людей, для которых он стал не только образцом для подражания, но и настоящим наставником. Если воспользоваться названием одного из главных его трудов, он действительно выступил в роли «путеводителя», причем не только для колеблющихся. Каждый, кто изучает его работы, понимает их по-своему в зависимости от склада ума и уровня знаний.

Эта субъективная картина лишь частично отражает истинное положение дел. Значительное расхождение во

мнениях, существующее даже между наиболее беспристрастными современными исследователями, объясняется особым характером письменного наследия Маймонида. Создавая свои произведения как бы на двух уровнях, он считал себя продолжателем традиции писания. Оно, полагал Маймонид, создано для широкой публики, однако в нем есть подтекст, понятный философам и тем, кто возвысился над простыми смертными.

В основе толкования Маймонидом писания лежит убеждение, что его тексты значимы для всех времен и народов. Исходя из этого, он строил свою библейско-философскую трактовку с учетом четырех компонентов.

Во-первых, лингвистический компонент: откровение передается посредством языка, семантические и синтаксические характеристики которого следует принимать во внимание.

Деталь миниатюры из рукописи «Мишне-Тора» Маймонида, выполненной в 1472 г. в Португалии. В настоящее время хранится в Иерусалиме. Маймонид держит пергаментный свиток, возможно свой труд «Мишне-Тора».

Во-вторых, исторический: положения и сюжеты писания могут быть поняты лишь при знании конкретной исторической обстановки, к которой они относятся; например, следует учитывать особенности общества, где существует идолопоклонство или где невысок уровень развития науки.

Таким образом, обучение философии может вестись с помощью одного из двух методов: посредством технических терминов и построением систем, которые могут быть поняты лишь после длительного углубления в тайны этой науки, и путем зашифровки философских понятий, включения их в символический текст и передачи ключа для его понимания от учителя к ученику.

Третий компонент в толковании Маймонидом писания носит психологический характер: пророчество и откровение осуществляются опосредованно, через людей, и в самом содержании откровения находят отражение этнографические и психологические характеристики.

Четвертый компонент — *код* (тайнство): использование эзотерических методов обучения. Необходимо учитывать тот факт, что множество людей не способно к философскому совершенствованию и их приобщение к мета-

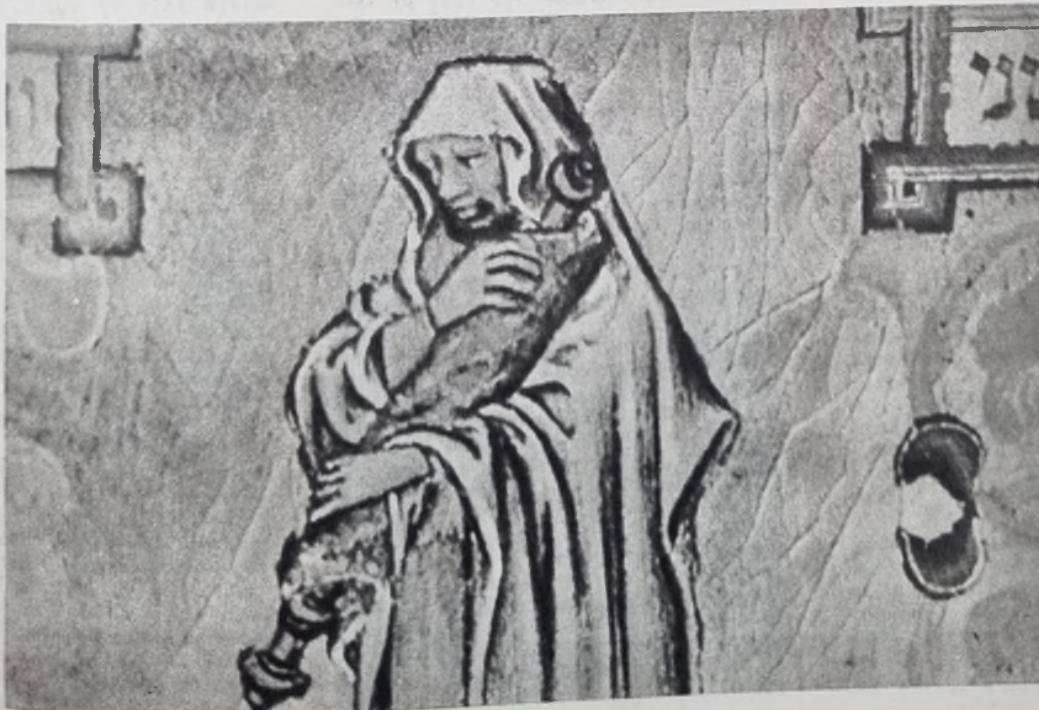

Photo © Diodoro Urquía, Salduero, Soria, Spain

Страницы из двух выполненных на пергаменте рукописей «Мишне-Торы». Справа: учитель, беседующий с учениками с кафедры. Рукопись иллюминирована в Северной Италии во второй половине XV в. Вверху: страница из рукописи, выполненной немецким талмудистским шрифтом переписчиком по имени Селомо.

Физическим истинам чревато опасностью как для них самих, так и для общества.

Маймонид применил этот метод в собственных трудах. Во вступлении к «Путеводителю для колеблющихся» он предупреждает читателя, что в его книге содержатся эзотерические взгляды, которые откроются только тем, кто изучит весь текст. В этом он усматривает внутренний смысл слов Соломона: «...Золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах» («Книга притчей Соломоновых», глава XXV, стих 11). «Серебряная» форма «Путеводителя» была сразу же оценена и вызвала восхищение, но его внутреннее «золотое» содержание вызывает споры по сей день.

Благодаря принятому автором методу изложения книга Маймонида отличается удивительной архитектоникой, связывающей воедино все ее части. В ней обнаруживаются все новые и новые потайные двери, ведущие в неведомый лабиринт аллюзий и недосказанностей, к скрытому философскому сокровищу, внутренний смысл которого по-разному воспринимается читателями.

Маймонид был великим философом. Чтобы понять его систему до конца, читателю приходится отвлекаться от современного мироощущения и проникаться научным и философским образом мышления средневековья. И тем не менее следует отметить, что его

учение имеет определенную значимость и сегодня. Несомненно, оно носит противоречивый характер; кроме того, Маймонид никогда не стремился быть «популярным». Как бы то ни было, удобопонятное изложение философских взглядов Маймонида требует их перевода на язык современности.

Чтобы охарактеризовать его идеал поведения человека, я бы представил его как шкалу четырех ценностей, требующих последовательного достижения: Общество, Самореализация, Трансценденция, Политика. Такая последовательность позволит лучше понять каждую стацию.

Четкую картину можно получить также путем использования аналогии с театром. Мы можем воспринимать спектакль с трех разных точек зрения: либо как осуществление указаний, содержащихся в тексте драматического произведения; либо с позиции режиссера — как реализацию на сцене определенных ситуаций; либо как психодраму, в которой основная функция пьесы заключается в ее влиянии на актеров. Аналогичным образом этику можно понимать деонтологически, то есть с точки зрения следования нравственным категорическим императивам; утилитарно — с точки зрения ее социальной функции; либо же на нее можно смотреть как на средство самосовершенствования.

Общество. Первейшим условием развития человека является наличие здо-

рового общественного организма, обеспечивающего основные свободы индивида. Маймонид, как и Аристотель, считал, что человек есть «политическое животное». Однако общество состоит из индивидов, неповторимых и отличающихся друг от друга. Это счастливый дар, в котором, однако, таится и опасность. Поэтому политическая система является тем необходимым инструментом, с помощью которого осуществляется управление обществом и создаются возможности для развития индивида.

Маймонид подвергал суровой критике деспотические и фанатические режимы своего времени, выступая за возвращение к библейской и древнегреческой системам, в лоне которых должны были бы процветать естественные науки, философия и религия. Искренность Маймонида не вызывает сомнений: за ней стоят преследования, которым он подвергался, и долгие годы вынужденных скитаний.

Это первая сторона этики: общественная этика, наши обязанности перед обществом.

Самореализация. Общество — не самоцель. Нет такой сущности, как «народ сам по себе». Народ, нация — это прежде всего такое образование, полными элементами которого являются индивиды. Общество должно обеспечивать развитие и полную самореализацию каждого из своих членов. Однако Маймонид не считал, что подобная

самореализация подразумевает произвольный выбор. Существует «человеческая сущность», которую должен отыскать для себя каждый индивид. Главной императивом является духовное развитие, которое должно обеспечиваться обществом.

Здесь Маймонид рассматривает этику как самоусовершенствование, как индивидуальную нравственность, построенную по образцу психодрамы. Этика должна помогать людям духовно расти, развивать все свои способности. В первую очередь интеллектуальные. Это единственный путь достижения наивысшей цели, стоящей перед человеком, — постижения истины. Ибо разум — это тот божественный образ, что живет в каждом из нас.

Все изложенные выше положения могут быть проиллюстрированы примерами толкования Маймонидом библейской истории изгнания из рая. Библия уподобляет рай состоянию блаженного неведения, нарушаемому приходом в мир страдания, когда Адам вкушает от плода древа познания. Однако подобная интерпретация ошибочна. История Адама — это прототип человеческого существования. Древо жизни символизирует истинное знание и, как мы увидим позже, возможность преодолеть границы обычного человеческого опыта. Плодом познания является не различие правды и лжи, а различие добра и зла.

Не углубляясь слишком далеко в подробности маймонидовских трактовок, отметим, что здесь со всей очевидностью представлены два типа знания: объективное, рациональное знание, противопоставленное субъективным, искаженным системам, порожденным разгулом безудержного воображения. Библейская история происходит не во внешнем мире, не в какую-то историческую эпоху, а в наших сердцах. Идет постоянная борьба между Адамом и змеем-искусителем, олицетворяющим иррациональные силы, заложенные в человеке. Вспомним великого Гойю: «Сон разума рождает чудовищ».

Соответственно наступление мессийской эры, согласно Маймониду, должно означать не изменение законов природы, а лишь излечение людей от духовной слепоты, которая делает их опасными для своих братьев и для самих себя.

Трансценденция. Если бы Маймонид как мыслитель остановился на этой стадии, его учение немногим отличалось бы от других рационалистических философских систем. Однако он использовал философское знание своего времени, рассматривавшее возможность соединения с надчеловеческой реальностью — так называемым активным разумом средневековой традиции. В этом учении предполагается, что за пределами естественной дискурсивной рациональной деятельности существует дополнительная эпистемологическая категория, интуитивный путь пророческого знания, конечная возможность соединения с тем, что лежит за пределами обычного человеческого опыта.

Мы не знаем, принимал или нет Маймонид реальность мистического опыта, и поэтому я предпочитаю говорить о некоей форме метаинтеллектуального опыта, строящегося по образцу библейского пророчества и достигающего своего наивысшего уровня у Моисея. Согласно толкованию Талмуда, Моисей принял смерть через поцелуй. Этот поцелуй, как в аллегории «Песня песней», является истинным

Страница из рукописи «Мишне-Торы», начатой примерно в 1294—1296 гг. в Кельне (Германия) Натаном бен Шимоном га-Леви и законченной в этом же городе в 1413 г. Миниатюры, по-видимому, изготовлены в районе города Камбре во Франции или на Среднем Рейне и относятся к концу XIII — началу XIV в.

Photo © Academy of Sciences, Budapest

бессмертием, единением души с трансценденцией.

Политика. На этой стадии мысль Маймонида сходна с учениями многих мистиков. Он мог бы поддаться искушению тех, кто достигает совершенства и блаженства и забывает общество, однако он идет дальше и замыкает круг, прибегая к символу — лестнице Иакова, по которой восходят и нисходят ангелы божьи. Мы видим, как он устремляется вверх, но он говорит одновременно и о возвращении к обществу. Пророка интересует не только его собственный опыт, его долг в том, чтобы вернуться, принеся искупление обществу. Дело не в том, что общество нужно ему: теперь, когда он достиг высшего уровня нравственности, он должен следовать путями господними. Следуя ему, мы находим реальный смысл, то есть возвращаемся на первую стадию — к обществу. Вот в чем основа библии как пророческого откровения: новый цикл начинается там, где пророк возвращается к людям и открывает им деонтологическую систему (концепцию долга и должного).

Любое краткое изложение искажает представление о целом, и данная статья не является исключением. Однако, если что-то и уместно здесь добавить, чтобы хоть как-то сгладить возможное непонимание, то это идея абсолютной ответственности элиты.

Существуют псевдоэлиты, подобно тому как существует псевдорелигия в форме идолопоклонства. Продолжая Маймонидово истолкование истории изгнания из рая, мы можем сказать, что перед древом жизни стоят херувимы со сверкающими мечами и что всегда есть люди, принимающие блеск меча за сияние самого древа, подобно тому как действие наркотиков подчас путают с мистическим опытом. Во все времена существовали лжепророки, которых должно опасаться человечество.

Мыслители, исследователи, ученые — это не пророки, однако, согласно Маймониду, они принадлежат к элите и влияют на будущее мира. Истинный политический, культурный и духовный вождь никогда не преследует свои собственные интересы или интересы какой-то узкой группы. Он связан с интересами всего сообщества. Мессийский идеал Маймонида, однако, не ограничивается одним каким-то сообществом. В «последние дни» весь мир освободится от проклятия войны и, как сказал пророк, земля будет наполнена пониманием, как воды наполняют море.

ШАЛОМ РОЗЕНБЕРГ (Израиль) — исследователь, преподаватель университета в Иерусалиме. Автор многочисленных работ по вопросам религии и философии.

Photo © Instituto Arias Montano, Madrid

Разум и терпимость

Photo © Mas, Barcelona

Статуя Аверроэса в одной из ниш Барселонского университета. Работа испанских скульпторов второй половины XIX в. братьев Агалито и Венасио Валмитхана.

Размышляя об Аверроэсе, я не собираюсь говорить о нем как о человеке, вызывавшем безмерное восхищение европейских средневековых схоластов, или исследователе, чьи комментарии к произведениям Аристотеля по глубине мысли не уступали трудам, которые он анализировал. Не буду я отстаивать его и на жизни его, жизни степенного, благочестивого судьи, или доказывать близость его подхода, отмеченного строгостью к самому себе, методам великих мусульманских правоведов. Я сосредоточу свое внимание на двух идеях, двух понятиях, которые ставят нас лицом к лицу с реальными вопросами, вечно поднимаемыми человечеством.

Первое — это понятие единства разума. Знать, гласит один из постулатов, — значит утверждать причастность ко всеобщему знанию. Я употребляю слово «разум» вместо термина «интеллект», которым пользовался Аверроэс, верный традициям философов Александрии и Багдада. Подобная замена не вредит научной точности, это всего лишь нежелание поддаваться крючкотворству и сомнениям, скатываться на позиции педантизма.

Итак, Аверроэс выдвигал идею единства разума — основополагающую концепцию, воодушевляющую многих мыслителей на смелые суждения. Для французского философа и писателя Эрнеста Репана (1823—1892) это была человеческая мысль в своей совокупности, «всеобщее явление, обусловленное высшими силами». Понятие единства разума включает принципы, на которых мы строим поднимающее нас на ступеньку выше доказательство, успешный опыт, достигающий своей цели эксперимент. Это единство психического склада человечества — невзгоды и пороки, рождающие зло и страдания, а также способности, позволяющие нам воздвигать град согласия и мира. Это человечность, единая и неделимая, живая и вечная, так же необходимая самой себе, как личное достоинство самому индивидуалистическому из индивидуалистов. И тому, кто ее признает, открывается самая сокровенная из всех истин. Тот, кто познает и существует, как таковой, уже не является индивидуумом, а становится частью Всеобщего.

Вторая идея связана с первой. Разум не может разрушить веру. Они выражают одну и ту же истину. Как раз эта идея и пришлась не по вкусу схоластам того времени, не правится она многим из них и сегодня. Две истины — следует помнить об этом — не могут противоречить друг другу. Но речь идет об истине, которую не может выразить полностью ни одно суждение, это не мертвая истина, которой можно завладеть и обладать. Аверроэс выступал за разумную терпимость, свободную от услужливости, скепсиса и правоучительности:

1. Разум не должен стремиться ни к бесцельному столкновению с верой тех, для кого она представляет необходимость, ни к ее уничтожению. В ми-

ре множество разных отношений, занятий и верований. Тем не менее люди могут вполне счастливо жить вместе, несмотря на многообразие мнений и взглядов. И это объясняется тем, что есть взгляды, заслуживающие уважения, а уважать — значит объяснять и постигать.

2. Разум требует, чтобы мы отослались к другим культурам с пониманием и объективностью: «Мы с радостью принимаем все, что соотносится с истинной, то есть результатом познания... а что не соотносится с истиной, отметим и простим...» Независимо от того, откуда исходит или где возникает знание, оно должно отвечать только одному требованию, и это требование — достоверность. Знание не единственный компонент наследия различных культур; в каждой из них есть концепции, которые успокаивают или внушают тревогу.

3. И наконец (Аверроэс не говорит об этом открыто, но это вытекает из всей его аргументации), то, что применимо к религии и философии, применимо и к любой другой системе убеждений: за двумя кажущимися противоположными истинами скрыто тождество, ждущее своей разгадки. Такая противоположность приглашает к исследованию, размышлению, к установлению единства, преодолевающего различие, которое кажется проявлением противоречия.

Чрезмерное штудирование, филологические копания, бессмысленное и вымученное комментирование могут затуманить четкую цепь мыслей, столь дорогих сердцу Аверроэса и столь важных для всей его жизни. А ведь именно они обладают способностью трогать наши души. Сейчас, когда люди обеспокоены вопросом, осталось ли в сегодняшней жизни место для такого понятия, как «современный гуманизм», мы можем по крайней мере надеяться, что обращение к идеям Аверроэса поможет вернуть к жизни те основополагающие принципы, которые он так решительно отстаивал.

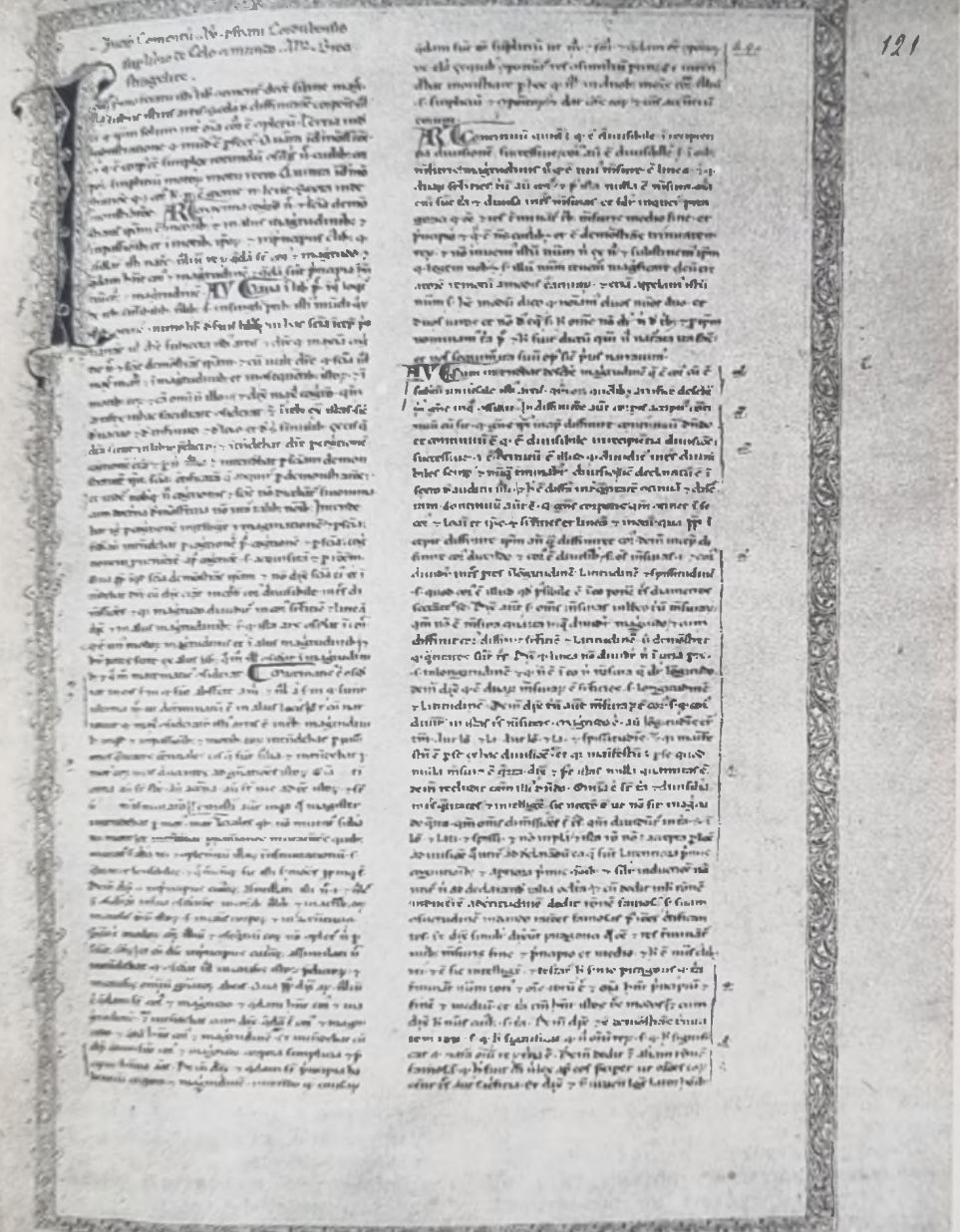
Однажды Аверроэсу сообщили, что какой-то «святой» лечит больных, заставляя их платить столько, сколько, по его мнению, стоит тот орган, на который они жалуются. На что Аверроэс, не прозвоня громких слов, разоблачающих предрассудки, сказал: «Вот люди, которые верят, что деньги могут заставить работать человеческое сердце». Будем надеяться, что путь, которым шел Аверроэс, путь искреннего и открытого мышления, найдет отклик в сердцах людей нашего времени.

МОХАММЕД АЛЬ-АЛ СИНАСЕР — руководитель Отдела философии ЮНЕСКО, преподаватель социологии разницы в Университете Хасана II (Марокко), бывший сотрудник Национального центра научных исследований (Франция). Автор большого числа работ по проблемам философии и истории математики.

Преэмественность традиции

Артур Сагадеев

6 de celo et mundo hinc 7.9 comento xv.

121

Имя Ибн Рушда (Аверроэса) стало символом свободомыслия и рационализма, отвергающих всякую мистику и слепую веру в Священное писание. Распространению его влияния способствовали не только собственные сочинения кордовского философа, но и труды его европейских последователей — аверроистов, и выступления их противников, объявлявших Ибн Рушда даже автором напущенного в свое время учения «о трех обманщиках» — Моисее, Иисусе и Мухаммеде.

Неоднократно подвергалось апафеме положение Ибн Рушда о том, что индивидуальная человеческая душа бречна, но бессмертен общечеловеческий разум, — положение, которое несколько столетий (в трудах Жака Жандунского, Данте, Гердера, Канта) ассоциировалось с весьма близкой для нас сегодня мыслью о единстве человечества в его интеллектуальном и нравственном развитии.

Ибн Рушд такую славу, без сомнения, заслужил, но она подчас заслоняет достижения его предшественников — философов мусульманского Востока, прежде всего аль-Фараби (870—950) и Ибн Сины (Авиценна, 980—1037), чьи доктрины, по утверждению некоторых исследователей, якобы ориентированы на примирение разума и веры, а потому лишены свойственной Ибн Рушду последовательности. Между тем его предшественники не только подготовили становление исламо-арабской философии, вершину развития которой Ибн Рушд олицетворяет, но и были создателями теорий, обычно связываемых с его именем.

Что же касается различий в воззрениях Ибн Рушда и его предшественников, то они обусловлены не степенно последовательностью в проведении линии рационализма или преданности философии Аристотеля, а особенностями социокультурной и политической ситуации на востоке и на западе средневекового мусульманского мира. И кажутся эти различия не самого принципа автономии человеческого разума, а только формы его претворения в действительность — в их учениях о «образовательном городе».

Рационализм Ибн Рушда наиболее полно представлен в его трактате «Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией». В нем он делит людей на три категории: «риториков», «диалектиков» и «аподиктиков». У первых убеждения вырабатываются с помощью риторических рассуждений, к которым прибегают тогда, когда хотят убедить аудиторию в чем-то безотносительно к тому, истинно оно, это что-то, или нет; у вторых — посредством «диалектических рассуждений» — в аристотелевском смысле этого термина, то есть опирающихся на «общезримые», вероятностные посылки и поэтому неспособных дать достоверное знание; третьи же приходят к убеждениям че-

Страница из средневековой рукописи комментария Аверроэса к книге Аристотеля «О небе» в переводе на латинский язык. Число латинских переводов трудов великого мусульманского философа из Кордовы быстро росло благодаря известной школе переводчиков в Толедо, в которой тесно сотрудничали разные ученые.

Photo © Bibliothèque Nationale, Paris

Аверроэс был величайшим средневековым толкователем античной философии. Он передал это наследие другим выдающимся мыслителям, таким, как его соотечественник Маймонид, а также христианские философы и теологи Фома Аквинский, Альберт Великий и Дунс Скот, называвшие его Комментатором. Внизу: бюст Платона из Музея Ватикана в Риме. Справа: персидская миниатюра, на которой изображен Аристотель в виде сидящего муллы (персидский манускрипт стихотворного произведения «Афоризмы о гигиене», приписываемого Аристотелю).

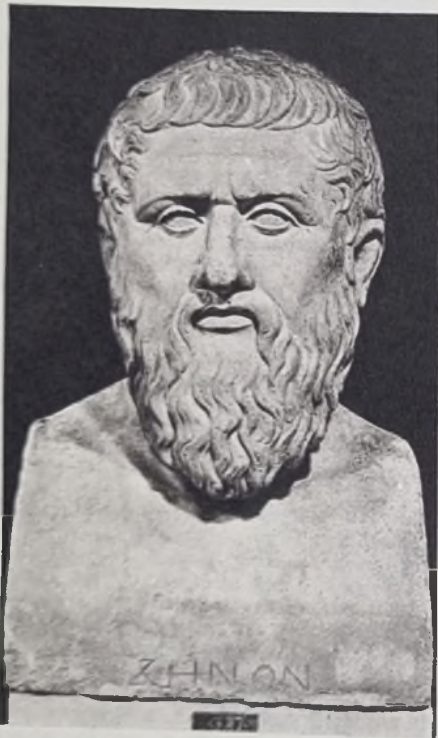

Photo Anderson © Roger Viollet, Paris

Photo © Bibliothèque Nationale, Paris

► реэ доказательств, основанные на достоверных послышках.

«Риториков» Ибн Рушд отождествляет «с широкой публикой», «толпой», то есть с рядовыми верующими, не искушенными в тонкостях теологии, а тем более философии; «диалектиков» — с представителями спекулятивной (умозрительной) теологии; «аподиктиков» — с философами, образующими в любом обществе немногочисленную интеллектуальную элиту, которой одной только и доступно достоверное знание.

Эта теория, однако, не является изобретением Ибн Рушда; она была детально разработана Ибн Синой, а до него — аль-Фараби. Философы мусульманского Востока делили рассуждения людей на «аподиктические» (доказательные), «диалектические», «риторические», «софистические» и «поэтические» — по нисходящей степени познавательной ценности: от «абсолютно истинных» аподиктических рассужде-

ний до «абсолютно ложных» — поэтических.

Низшую ступень поэтические рассуждения занимают потому, что их предметом выступают не объективно, «вне ума» существующие предметы, а их образы, целиком порожденные фантазией; эти рассуждения призваны воздействовать не на разум, а на воображение человека, возбуждая в нем положительные или отрицательные эмоции. «Поэтические» и «риторические» рассуждения отождествлялись с религиозными, «софистическими» и «диалектическими» — со спекулятивной теологией.

Во взглядах на соотношение веры и знания Ибн Рушд, Ибн Сина и аль-Фараби одинаково исходили из убеждения, что религия является «политическим искусством», необходимым обществу лишь постольку, поскольку в подавляющей массе оно состоит из людей, не способных к восприятию абстрактных теоретических истин и нуж-

дающихся в религии как в начале, регулирующем их нравственные и правовые отношения.

Философия и религия, учили они, связаны родством, поскольку и та и другая рассуждают о конечных основаниях бытия. Но это не действительное, а лишь номинальное родство: аль-Фараби согласен признать религию только падчерицей (но не дочерью) философии, а Ибн Рушд — ее молочной (но не кровной) сестрой. Ибо в познавательном отношении наука и религия чужды друг другу, как разум, опирающийся на строгие доказательства, и вера, базирующаяся на риторике и мифопоэтических образах.

Что же касается утверждений, будто предшественники Ибн Рушда шли на уступки теологии и мистицизму, то это — прямой результат широко распространенной, но в корне ошибочной трактовки истории средневековой арабо-мусульманской философии. Соглас-

Photo © Jean-Loup Charmet, Paris

но этой трактовке, средневековая арабо-мусульманская философия своими специфическими чертами обязана неспецифическому усвоению мусульманским миром наследия античности, то есть включению в аристотелевскую метафизику идей, почерпнутых из неоплатонических сочинений, которые ложно приписывались Аристотелю.

Поэтому заслуга Ибн Рушда усматривается в том, что он смог очистить аристотелевские идеи от неоплатонических «примесей». Ошибочность такой интерпретации явствует хотя бы из того, что ни основоположник восточного аристотелизма аль-Кинди (ок. 800—870), ни его систематизатор аль-Фараби не смешивали аристотелевские сочинения с неоплатоническими, в чем убеждают их трактаты, специально рассматривающие весь свод произведений великого античного мыслителя.

Анализ трудов аль-Фараби, с творчеством которого связывают этот «первородный грех» арабо-мусульманской философии, показывает, что неоплатоническая концепция эманации (вневременного «истечения») бытия из единого первоначала) была интегрирована в нее вполне умышленно — как доктрина, способная установить формальное согласие между аристотелевским тезисом об извечности мира и религиозной догмой о его сотворенности.

Необходимость же такого «согласия» диктовалась конкретной общественно-политической обстановкой на мусульманском Востоке X в., когда перед философами открылась перспектива создания (по образцу «Государства» Платона) моделей идеального государства («добродетельного города»). Во главе такого государства, как и у Платона, должны были стоять философы, а идеологическую основу образовывала бы идеальная, «добродетельная» религия — имитация философии. Ядром такой религии и должна была стать теория эманации.

Чисто практическое предназначение этой теории у предшественников Ибн Рушда подтверждается тем, что она не была неизменной частью их философии. У Ибн Сины она легко уступает место принятому у мусульманских гностиков-суфиев учению о ступенях интуитивного постижения божества, а его ученик Вахманиар, излагая взгляды учителя, фактически не уделяет никакого внимания ни тому, ни другому учению — они не имели для самих философов принципиального значения.

Возникновение же учений о «добродетельном городе» стало возможным благодаря широкому распространению на востоке мусульманского мира шиткавских скорее падение Аббасидского халифата — «государства зла», основанного на «ложной» религии. На закате мусульманского мира обстановка была иной — в аль-Андалусе и Магрибе не возникало объективных предпосылок для мечтаний о государстве, ос-

В своих трудах Аверроэс развивает традиции классической греческой философии, однако это не означает, что он был лишь последователем античных ученых. Напротив, творчество этого философа из Кордовы знаменует вершину развития философской традиции, у истоков которой стояли такие выдающиеся мыслители мусульманского Востока, как аль-Кинди, аль-Фараби и Авиценна (Ибн Сина), и которая достигла дальнейшего своего расцвета в трудах ученых и философов аль-Андалуса. Вверху: портрет Ибн Сины (каким его представляли в то время) из книги французского монаха и путешественника Андре Теве «Достоверные портреты и жизнеописания выдающихся людей греческого, латинского и языческого мира» (1581). В настоящее время хранится в Музее истории медицины в Париже.

нованном на идеологии, альтернативной существующему вероучению.

Поэтому уже у Ибн Баджи (ум. в 1139 г.), первого крупного философа-аристотелика в этом регионе, идеальным считается случай, когда отдельные личности путем интеллектуального и нравственного самосовершенствования обретают счастье, оставаясь жить в пределах несовершенного государства. Точно так же у Ибн Туфайля (ум. в 1185 г.), старшего современника и друга Ибн Рушда, это удел одиночек, а не общества в целом. И наконец, у самого Ибн Рушда прямо указывается на нелепость попыток разработать какие-то «рационализированные» формы религии.

Как и его восточные предшественники, Ибн Рушд считал необходимым аллегорическое толкование тех мест Корана, которые не согласуются с мировоззренческими принципами философии, но выступал за более четкое разграничение сфер знания и веры, науки и религии. Если аль-Фараби допускал в идеальном государстве деятельность спекулятивных теологов, хотя и отводил теологии роль служанки философии, лишь отступающей положения, декретируемые философами-правителями, то в комментариях к «Государству» Платона Ибн Рушд отстранял их от государственных дел. Более того, он рекомендует мусульманским правителям налагать запрет на сочинения теологов, поскольку они несут в себе семена раскола, появления всевозможных сектантских движений, ввергающих общество в пучину гражданских войн.

Таким образом, хотя между Ибн Рушдом и его восточными предшест-

Монеты из аль-Андалуса и Магриба (сверху вниз): дирхам Яхьи аль-Мамума, Толедо, 1069 г.; аббадидский динар аль-Мутаида, Севилья, 1082; альморавидский динар Али ибн Юсуфа, Фес, 1132 г.

Photos © Museo Arqueológico Nacional, Madrid

Гуманистическая мысль Маймонида

Анхель Сайенс-Бадильос

Обращаясь сегодня к трудам того или иного мыслителя средневековья, мы должны искать в них скорее некоторые общие установки, чем конкретные факты и теории, которые могли бы иметь непосредственное значение для нашего века.

Философ XII в. Моше бен Маймон, или Маймонид, был человеком, целиком принадлежавшим своему времени. Его взгляды складывались под влиянием личных обстоятельств (большую часть жизни он провел вне своей родины в изгнании), понятий, определявших эволюцию умственной жизни об-

щины, вопросов и проблем, заботивших философов того времени. В этом смысле в его мышлении нашли отражение специфические черты конфессионального меньшинства, умственная жизнь которого развивалась в русле мусульманской мысли, господствовавшей тогда на Ближнем Востоке, в Северной Африке и на большей части Испании.

При поверхностном взгляде на творчество любого средневекового философа существует опасность того, что в нем привлекут внимание лишь ответы мыслителя на вопросы, выдвигае-

Два портрета Маймонида: первое из известных графических изображений философа (справа) в книге Вьяджо Уголини «Thesaurus antiquitatum sacrarum», опубликованной в 1744 г. в Венеции. На ленте написано имя Маймонида. Вверху: барельеф из белого мрамора, выполненный в 1949 г. Брендой Путман, — один из 23 медальонов, посвященных великим законодателям мира. Находится в зале палаты представителей Конгресса США (Вашингтон).

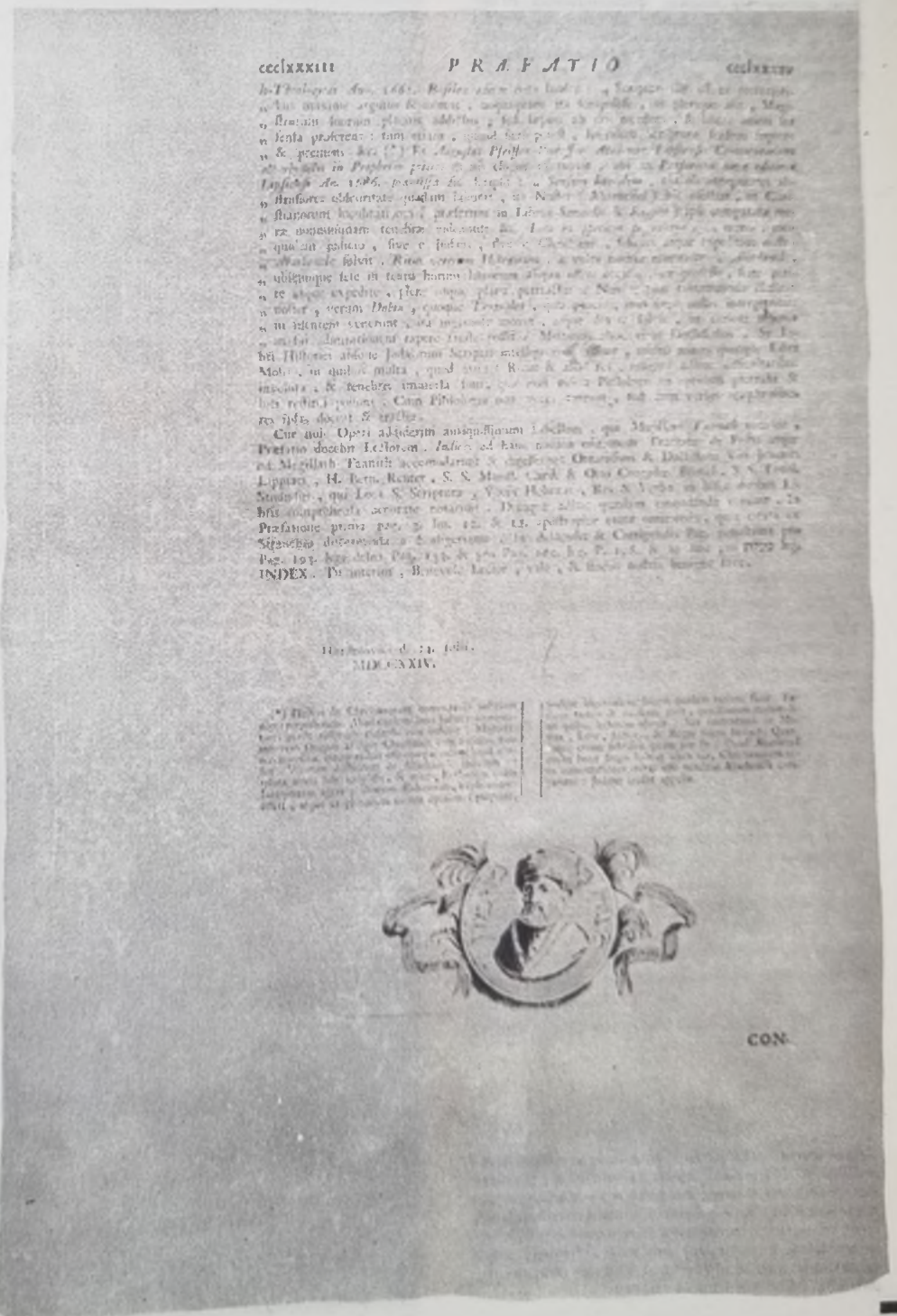
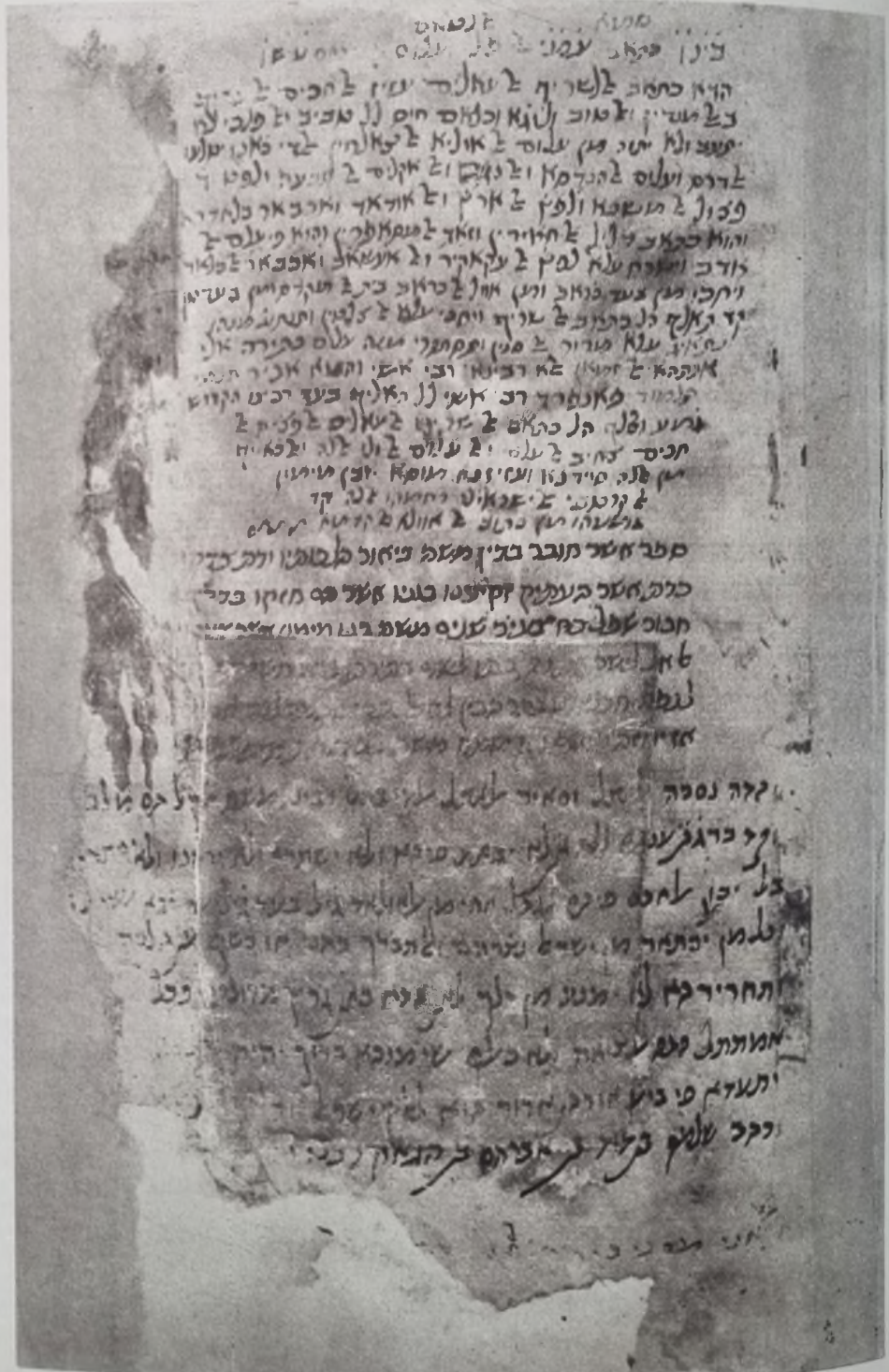

Photo © Biblioteca Nacional, Madrid

Три почтовые марки, посвященные Маймониду. Слева направо: испанская марка 1967 г. с изображением статуи в Кордове; израильская марка 1953 г.; марка, выпущенная в 1970 г. на Гренаде.

Фрагмент авторской рукописи «Комментарий к Мишне», выполненной на бумаге на арабском языке еврейскими письменными знаками, как обычно делал Маймонид. Этот труд, представляющий собой комментарий к первому отделу Мишны, был закончен около 1162 г., вскоре после переезда Маймонида в Каир.

Вместо исторической обстановкой его времени, а более глубокие идеи останутся незамеченными. Великие мыслители редко проверяют современные им категории и понятия; обычно они используют их в качестве отправной точки для поиска новых возможностей и направлений развития человеческой мысли и деятельности, чтобы вырваться из плена общепризнанных идей и сделать гигантский шаг вперед. Умение преодолеть границы своего времени, предвосхитить поворотные моменты в истории — вот что было свойственно великим мыслителям прошлого. По нашему мнению, Маймонид был, несомненно, одним из выдающихся представителей средневековой мысли, одним из тех, кто успешно прокладывал новые пути.

В отличие от большинства мыслителей, которые противопоставляли мир своей вере знаниям, науке и философии, унаследованным от древних греков, Маймонид ясно понимал беспочвенность подобного противопоставления. С его точки зрения, гуманитарные науки не могут быть диаметрально противоположны вере; они должны дополнять и углублять ее.

В конечном счете, в содержании философии Аристотеля и иудаизме много сущностно общего. По убеждению Маймонида, религиозного идеала может достичь только тот, кто способен усвоить знание как человеческого, так и божественного. И Маймонид, и Аристотель говорят о помощи человечеству в достижении вершин совершенства, то есть в познании истины. Не следует забывать, что общество, в котором жил Маймонид, рассматривало Вселенную исключительно с религиозных, теодетристических позиций. Не порывая с этими позициями, Маймонид настаивал на отведении места и чисто человеческого компоненту — разуму, философии. Мало кто из средневековых мыслителей сделал столько, сколько он, в попытке положить конец конфликту между верой и разумом.

Рационализм Маймонида является одной из граней его гуманизма. Быть рационалистом в Средние века означало покоячить с онтологическим ужасом, внушаемым всем сверхъестественным и неведомым, положить конец иррационалистическим страхам, бороться со всеми проявлениями отчуждения и отказываться подчиняться моральным императивам, навязанным человечеству некоей своеуправной Волей: иными словами, это означало гуманизировать веру. Средневековый человек был, по существу, верующим, таким был и Маймонид. Однако его усилия были направлены на создание более гуманной Вселенной, в центре которой тем не менее по-прежнему оставался бы бог. Человек как существо, стремящееся к постижению высшей истины, может достичь этой цели, лишь полностью реализовав свой человеческий потенциал, ведя достойный образ жизни и освобождаясь от невежества на пути самосовершенствования.

Маймонид стремился помочь своим современникам освободиться от заблуждений, от порабождавших их суеверий и даже от страстей, которые

Миниатюра XII в., на которой изображен Маймонид, рассматривающий склянку с мочой. Философ и религиозный мыслитель, Моше бен Маймон, подобно Ибн Рушду, был также одним из величайших медиков своего времени. В своих многочисленных трудах по медицине («Комментарий к афоризмам Гипократа», «Компендиум книг Галена», «Трактат об астме», «Руководство к хорошему самочувствию» и др.) он систематизировал и развил познания того времени в этой области.

принижали их и мешали им ощутить себя в полной мере людьми. Усиление рационалистического аспекта, как он его себе представлял, означало не отказ от теоцентристского взгляда на Вселенную, а лишь новое осмысление реальности, с тем чтобы все вещи заняли надлежащие места. Человек достигнет божественной благодати не на путях ложного мистицизма и иррационализма, прикрывающего его невежество, а на широкой дороге к знаниям, мудрости и приобщения к гуманитарным наукам, дополняемым теологией. Двигаясь по этой дороге, он никогда не должен отказываться от использования своего разума или попадаться на приманку иррационального и неведомого. То же самое относится к этике: человек не игрушка в руках какого-то самоуправного Верховного Существа; заповеди имеют под собой определенную почву, это не просто обязанности, произвольно навязываемые человеческой воле. Таким образом, Маймонид выдвинул такую концепцию гуманизма, которая, хотя и оставалась религиозной, прежде всего была все же человеческой.

Этот гуманизм побуждал его бороться с отчуждением человека, со всем тем, что мешало ему осознать свое подлинное предназначение в мире. Маймонид выступал против всяческого идолопоклонства, ибо считал его одной из самых опасных форм отчуждения: поклонение небесным сферам, звездам или идолам, превращение себя в раба суеверий, вера в астрологию, совершение каких-либо первобытных религиозных обрядов — все это мешает человеку полностью реализовать свой потенциал. Даже чрезмерное увлечение

предпринимательской деятельностью, выходящей за рамки удовлетворения насущных потребностей, он рассматривает как еще одну форму отчуждения, сравнимую с рабством, в которое ввергают человека самые незначительные страсти. По мнению Маймонида, человек может добиться полного освобождения только силой разума и знаний.

Зло, существующее во Вселенной, исходит не от бога; это или результат того, что чинят люди по отношению друг к другу, или вред, наносимый человеком самому себе. И почти всегда оно есть порождение невежества. Поэтому только знания, равносильные дару зрения, способны покончить с враждой и ненавистью. Человек без знаний подобен слепцу, натыкающемуся на стены и прохожих. Одно из зол, которое люди причиняют друг другу, — это тирания. Подлинное знание является необходимым условием исторического спасения человечества.

Такова широта мышления Маймонида, поднявшегося над узостью воззрений большинства своих единоверцев; его мысль не вмещается в категории иудаизма и принимает более широкие масштабы. Познание открыто для всего человечества, а не только для избранного народа. Великие древнегреческие философы проделали большой путь к подлинному знанию, которое принадлежит всему человечеству.

Итак, Маймонид остается лояльным к вере, но в то же время благодаря своему подлинно универсальному мировоззрению он близок всем народам. Он никогда не был фанатиком, хотя сам много страдал от фанатизма. По его мнению, другие монотеистические религии сыграли позитивную роль. И хотя он подходит ко всем проблемам с точки зрения своей веры, его идеи указывают путь к достижению большего взаимопонимания между людьми и человеческого братства. В этом отношении он шел впереди своего времени.

Маймонида упрекают за то, что он не осуждал рабства, презрительно отзывался о полудиких народах. Действительно, он не сумел полностью порвать с бытовавшими в его время взглядами, по он указал новые направления, создав свою концепцию человеческого достоинства.

Он увидел личность за внешностью раба, он призывал к освобождению угнетенных путем просвещения и создания лучших условий труда, он ставил женщин в духовном отношении в один ряд с мужчинами. Он не отвергал прошлое, а лишь пытался изменить систему ценностей и установок своего времени, для того чтобы создать более человеческое общество. Именно в этом, я убежден, заключается актуальность его воззрений и их способность воздействовать на современную мысль. ■

АНХЕЛЬ САЙЕНС-БАДИЛЬОС (Испания) — преподаватель еврейского языка и литературы в университете Гранады, раньше преподавал в Мадридском университете. Опубликовал ряд исследований по вопросам средневековой филологии и истории, а также по истории толкования Библии в Испании.

Photo © Nationalbibliothek, Vienna

Photos © Diodoro Urquiza, Saldano, Spain

Религиозный мыслитель, ученый, философ

Ролан Гетшель

Философия Маймонида находится на стыке еврейской и арабо-мусульманской мысли; этим объясняется то значение, которое придавалось теоретическим и практическим аспектам его деятельности. Данная статья представляет собой попытку проследить ход философской мысли Маймонида на материале его главного труда — «Путеводитель для колеблющихся».

Необходимость общественного порядка. Отправной точкой философии Маймонида является природа человека; ибо подобно Аристотелю он считал, что человек есть животное политическое. Если другие живые существа могут прекрасно обходиться без помощи своих собратьев по виду, то к человеку это не относится, ибо изолированный индивид, находящийся вне общества, не-

избежно обречен на гибель. Одни только потребности человека в пище порождают необходимость существования сложной техники и разделения труда, которые немислимы вне политической системы: «Именно поэтому люди нуждаются в ком-то, кто направлял бы и спланировал их, с тем чтобы общество было упорядочено и долговечно и чтобы его члены помогали друг другу».

Для Маймонида необходимость в управлении обуславливается также огромным разнообразием индивидов, образующих человеческий вид. Необходим тот, кто может исправить то, что нуждается в исправлении, умерить излишества, обеспечить соблюдение общего и постоянного закона всеми членами общества.

Маймонид выделяет три вида управления. Первый — традиционные зако-

Согласно Маймониду, «система основанная на писании, отличается тем, что декларирует не только материальное и общественное совершенствование человека, но и его духовное развитие» (Р. Гетшель). На с. 33; скрижали с 10 заповедями (свод законов великого законодателя Моисея) из синагоги бен Эзры в Фустате (Старый Каир). Вверху: иллюстрация из рукописи «Азды», выполненной в XIV в. в Испании. В настоящее время хранится в Венгерской академии наук в Будапеште.

подательные системы, в которых обеспечивается поддержание правового порядка в обществе, но не преследуются цель улучшения человека и развития его умственных способностей. Система, основанная на писании, отличается тем, что декларирует не только материальное и общественное совершенствование человека, но и его духовное развитие, ведущее к вечному блаженству. Есть также виды управления, которые претендуют на то, что они основаны на пророчестве.

Религиозный мыслитель, ученый, философ. Хотя все люди обладают определенными способностями, они могут полностью развиться лишь при условии, если человек доведет до совершенства свою разумную силу и силу воображения. В этом случае он претендует на то, что сможет стать пророком, когда божественная эманация достигнет сначала его разума, а затем — воображения. Если такое влияние коснется только разума человека и не затронет его воображения, он окажется ученым, посвящающим себя размышлениям. Напротив, если оно коснется только его воображения и не окажет воздействия на его разум, он будет прорицателем или толкователем предзнаменований.

Из вышесказанного следует, что традиционные правовые нормы устанавливаются теми, кто руководствуется лишь своим воображением, в то время как система, основанная на писании, требует пророческого дара — как разумной силы, так и силы воображения. Истинный пророк должен сочетать в себе все черты, а влияние, оказываемое на его разум, приносит ему интеллектуальное прозрение, которое дает ему возможность понять сущность вещей и делает его выдающимся философом.

Пророчество Моисея. Как пишет Маймонид, эманация, нисходящая на пророка, позволяет ему достигать совершенства, а иногда она бывает настолько сильна, что тот оказывается в состоянии усовершенствовать других. Существует множество категорий пророков так же, как и ученых. Маймонид, в частности, проводит различие между Моисеем и другими пророками: все пророки, кроме Моисея, получали откровение через ангела, в то время как к Моисею бог обращался непосредственно.

В своем комментарии к главе XXXIII «Исхода» Маймонид возвращается к вопросу о Моисее как законодателе. Если бог не открыл Моисею своей сущности, то он все же позволил ему познать 13 божественных атрибутов, давших возможность Моисею понять природу живых существ и связей между ними и научивших его тем самым управлять ими. Предельной целью этого откровения является, таким образом, установление порядка: «И это было конечной целью его требования, так как он закончил словами: *дабы я познал Тебя, чтобы приобрести благоволение в очах Твоих; и помысли, что сии люди — Твой народ, и я должен управлять им теми же средствами, что и бог*». Правитель идеального города у Маймонида будет поэтому управлять, следуя, насколько это возможно, примеру бога как правителя мира.

Целенаправленность писания. Целью закона провозглашается приведение человека к полной реализации как своего духовного, так и физического бытия. Это достигается путем установления гражданского мира, а также в результате обретения отдельными людьми добродетелей, полезных для общества. Закон Моисея поэтому дек-

ларирует двойное совершенство, формируя совершенное общество и вырабатывая в человеке праведные идеи, которые приведут его к счастью.

Истинное человеческое совершенство заключается не в обыденном. Большинство людей считают, что совершенство заключено в ряде качеств. Маймонид писал: «Сюда входит и обладание царским достоинством». Но подобное совершенство не затрагивает человеческую сущность. Два других вида совершенства, телесное и даже нравственное, сами по себе суть лишь средства обретения интеллектуального совершенства, которое, по Маймониду, достигает своей наивысшей степени в познании.

Однако, как указывает Маймонид на последней странице своего «Путеводителя», ссылаясь на «Книгу пророка Иеремии», это познание не должно быть созерцательным, оно призвано способствовать установлению на Земле солидарности, закона и справедливости. Оно означает подчинение этическим ограничениям, и это требование должно непременно выполняться правителем идеального города, поскольку он, более чем другие люди, должен стараться подражать суверенному правителю Вселенной.

РОЛАН ГЕТШЕЛЬ (Франция) — возглавляет отделения еврейских исследований и научно-исследовательский центр в Страсбургском университете. Ранее работал на факультете иврита в университете Париж — VIII, доцент института Мартина Губера (Брюссель), преподает в Высшей школе социальных наук в Париже. Автор нескольких работ, посвященных исследованию иудаизма.

В своей статье профессор Жан Доссе (лауреат Нобелевской премии 1980 г. по физиологии и медицине) рассматривает биологические аспекты биологического разнообразия и подчеркивает непримиримость науки и расизма, борьба против которого составляет необходимое условие достижения мира.

Боязнь оказаться не таким, как все, доходящая порой до отрицания всего, что выходит за привычные рамки, — широко распространенное явление. Дети боятся отличаться от своих сверстников. Подростки неуверенно относятся к общепринятой моде. Но более серьезным представляется тот факт, что подозрительным относятся к тем, кто не принадлежит к их группе или общине. Это в определенных условиях ведет к раздорам между соседями, соперничеству между органами управления, конфликтам между государствами, к религиозной и расовой ненависти.

Однако этот «рефлекс» является абсурдным с биологической точки зрения и глубоко ошибочным в сфере культуры. Поясним это положение с помощью трех основополагающих концепций биологической науки.

Во-первых, ни одно живое существо не похоже на другое в силу многообразия возможных вариаций химического состава клеток. Оно — продукт комбинации материнских и отцовских характеристик, которые в свою очередь представляют собой смесь характеристик четырех предков. Кроме того, сами эти характеристики, или гены, подвержены множественным изменениям внутри популяции. В человеке количество возможных комбинаций превышает, как утверждают, число атомов в изученной Вселенной. Появляющиеся в каждом новом поколении существа — плоды генетической лотереи — уникальны, поскольку обладают совершенно новым набором генетических свойств. Природа тщательно позаботилась о том, чтобы изменение характеристик происходило с рождением каждого нового поколения.

Во-вторых, согласно дарвиновской теории естественного отбора, индивиды, случайно получающие набор характеристик, которые позволяют им лучше приспособиться к окружающей среде, выживают и дают более многочисленное потомство, чем индивиды, менее приспособленные к этой среде. Таким об-

разом, благодаря разнообразию входящих в него отдельных особей вид способен адаптироваться к возможным изменениям окружающей среды и климата, к появлению новых паразитов или патогенных организмов. Поэтому различия между индивидами совершенно необходимы для дальнейшего существования вида. Этот фактор является основополагающим для всего растительного и животного мира.

В-третьих, под влиянием факторов окружающей среды формируются внутривидовые различия: северозападноафриканская ласточка отличается от норвежской, итальянский тополь — от тополя, произрастающего на севере Европы, обитатели Средиземноморья — от людей нордического типа. Современный человек, возможно, в меньшей степени подвержен влиянию факторов окружающей среды, но они по-прежнему воздействуют на его психологию. Генетически различные близнецы, подвергавшиеся различным воздействиям внешней среды, становятся совершенно разными людьми, особенно если они росли и воспитывались раздельно. Только человек способен из индивида превратиться в личность, ибо только человек способен усвоить культурное наследие, принадлежащее его социальному окружению.

Таким образом, становится ясно, что неповторимость каждой личности надеждает не только ей присущими достоинствами и уже в силу этого она заслуживает уважения. Однако мы не должны забывать, что, несмотря на свою уникальность, всякая личность есть часть большой человеческой семьи, которая также неповторима. Ясно и то, что концепция «чистоты расы» абсолютно бессмысленна, так как всякая стандартизация ведет к вырождению: не теряя своей самобытности, любой народ должен положительно относиться к поступлению новых генов. Наконец, огромную роль в интеллектуальном и духовном развитии человечества играет опыт.

В плавильном котле Западной Европы сформировалось сообщество людей, обладающих рядом общих генетических особенностей. Относительная изоляция провинций, сохранявшаяся на протяжении долгого времени, браки между жителями одной и той же местности, разнообразие климатических условий и предков — все это поддерживало существование различий, которые сегодня постепенно стираются вследствие расширения общения между людьми.

Для каждой культуры характерны свои обычаи, свое представление о человеке во Вселенной, свои верования. Каждая свойственны свои ритуалы, своя одежда; каждая вносит свой вклад в великое многообразие человеческих искусств, архитектуры, пластики, танца и всех других проявлений творческого гения человечества. Каждая дала миру свои научно-технические достижения, облегчающие труд и страда-

Идеи, танцы, технические решения также, как и биологические характеристики, являются плодом многочисленных взаимодействий между человеком и его окружением. До вторжения западной технологии процесс приспособления культуры к окружающей среде носил удивительно глубокий характер, и для достижения подобного симбиоза требовался большой период времени.

Различия между культурами побуждают людей сопоставлять свои идеи и устремления. Они создают возможности для расширения и обогащения концепций, распространения научных и технических достижений по всему миру. Короче говоря, они обеспечивают возможность эволюции путем отбора наиболее значительных ценностей. Так, поэтапно, на протяжении тысячелетий проходила культурная эволюция человечества. Ни одно животное не способно воспользоваться, подобно человеку, опытом других групп: в этом и заключается неповторимая особенность эволюции жизни.

Таким образом, многообразие культур — это бесценное сокровище, которое нужно неустанно оберегать.

Но самое главное — это обеспечение гармоничного сосуществования различных культур, их полное признание без каких-либо ограничений и предубеждений, наиболее вредным из которых является идея превосходства своей культуры. Как можно отдать предпочтение мужчине или женщине — ведь они просто-напросто различны. Точно так же не существует иерархии среди культур: для счастливому стечению обстоятельств они неодинаковы.

Французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери (1900—1944) великолепно сформулировал эту мысль: «Если ты оплываешься от меня, брат, то не нанесишь мне вреда, а обогащаешь меня».

Жан Доссе

Издание ежеквартального журнала «Курьер ЮНЕСКО» на русском языке с 1957 года осуществляется орденом Трудового Красного Знамени издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

При перепечатке материалов обязательно ссылка на «Курьер ЮНЕСКО» с указанием автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала. Подписи и фото в заголовках готовятся сотрудниками редакции.

Главная редакция [Париж]

Заместитель главного редактора: Ольга Годель
 Ответственный секретарь: Джилиан Уиткомб
 Помощники главного редактора: русский яз.: Николай Кузнецов; английский яз.: Рой Мэлини; французский яз.: Азиз Левек; Неде аль-Хезви
 испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос; хорватский яз.: Абдель Рашид аль-Садеи Мухаммади; ивритом шрифтом: Ф. Поттер; Демонстраторы: Влодет Рингольштейн; иллюстрации: Жорж Серва и Жорж Дюре; Редакция: Фернандо Алисе; Редакция: Генри Киобил; Специальные проекты: Пегги Джуллен

Национальные редакции

немецкий яз.: Вернер Марилл (Берлин)
 японский яз.: Сентири Кодзима (Токио)
 итальянский яз.: Марио Гандотти (Рим)

язык хинди: Рам Бабу Шарма (Дели)
 язык тамиль: М. Мохаммад Мустафа (Мадраас)
 язык керал: Александр Бродяко (Таль-Авив)
 персидский яз.: Поль Морран (Антверпен)
 голландский яз.: Бенедикто Силва
 португальский яз.: Бенедикто Силва
 (Рио-де-Жанейро)
 турецкий яз.: Мифра Илгазар (Стамбул)
 язык урду: Халим Мохаммад Саид (Ларкан)
 малайский яз.: Жан Каррерас-и-Ширр (Барселона)
 малайзийский яз.: Азизе Хемза (Куала-Лумпур)
 корейский яз.: Пак Сен-Гиль (Сеул)
 язык суахили: Домини Рутазисемба
 (Дар-эс-Салам)
 манедонский, хорватско-сербский, словенский, сербскохорватский языки: Болидер Парсонс (Белград)
 китайский яз.: Шень Гофен (Пекин)
 болгарский яз.: Горан Готов (София)
 греческий яз.: Николас Палеогорну (Афины)
 сингалский яз.: С. Дж. Суванасара Ванда (Коломбо)
 финский яз.: Марьятта Оксанен (Хельсинки)
 шведский яз.: Лина Свенсон (Стокгольм)
 баскский яз.: Гуруц Ларраньяга (Сан-Себастьян)
 тайский яз.: Савитри Сувансатит (Бангкок)

„Наука, техника и мир“

Мирное настоящее и мирное будущее — цель всякой цивилизации разума. Еще 40 лет назад осознание ответственности за будущее нашей цивилизации привело мировую научную общественность к решению создать Всемирную федерацию научных работников (ВФНР). А сегодня, в Международный год мира, именно по ее инициативе 21—23 июля с. г. состоялся в Москве международный симпозиум ученых «Наука, техника и мир» и XIV Генеральная ассамблея ВФНР. Необходимость выработать глобальную стратегию объединения усилий, достижения новых уровней взаимопонимания привела более 250 ученых из почти 60 стран на форум в Москву.

Симпозиум разума и доброй воли приветствовали Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, представители ООН, ЮНЕСКО, президиум Академии наук СССР. С докладом «Основные тенденции и перспективы развития науки, ответственность научных работников в борьбе за мир» выступил президент ВФНР, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», профессор Ж.-М. Леге (Франция).

В ходе обсуждения насущных задач современной науки участники форума пришли к убеждению, что если цель науки — познание законов жизни, природы и общества, то в нынешней тревожной обстановке самым достойным долгом мировой научной общественности должна стать совместная деятельность по донесению до сознания каждого человека мысли о недопустимости развязывания ядерной войны, требующей его активного включения в защиту мира.

Ученые предложили в целях содействия процессу разоружения создание мирных моделей экономического сотрудничества, усиление вклада науки в решение политических вопросов.

В докладах члена-корреспондента АН СССР Л. П. Феокистова «Контрстратегия по отношению к планам подготовки войны и наращивания вооружений», доктора Р. Прасада (Индия) «Социально-экономические последствия гонки вооружений», в выступлениях представителя Международного института мира Х. Миклоша (Венгрия), Д. Далитц из Института ООН по изучению проблем разоружения звучал призыв заставить служить знания и опыт, накопленные всечеловеческим разумом, лишь делу познания мира и улучшению условий труда.

Ученые воспользовались своей социальной прерогативой экспертов и проявили максимум настойчивости и конструктивности в желании остановить сползание мира к ядерной катастрофе. Вот почему они обратились к

главам государств с призывом проявить политическую волю к скорейшему достижению соглашения о полном запрещении ядерных испытаний, ликвидации всех видов оружия массового уничтожения, за мирное использование космоса, немилитаризацию науки.

В Обращении участников Международного форума ученых «Наука, техника и мир» к главам государств и правительств, которое было передано Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко, в частности, говорится: «...Мы обращаемся с призывом к руководителям всех государств, обладающих ядерным оружием, не проводить ядерные испытания, способствовать скорейшему достижению соглашения об их всеобщем запрещении при самом строгом и широком контроле, эффективность которого вполне может быть обеспечена современными техническими средствами и инспекцией на местах.

Такой акт доброй воли и государственной мудрости способствовал бы росту доверия, развитию международного сотрудничества, гуманному использованию достижений науки и техники и в перспективе реализации мечты человечества о мире без войны и оружия. Мы призываем глав государств и правительств, генерального секретаря ООН г-на Переса де Куэльяра принять энергичные шаги для решения этой общечеловеческой задачи».

Среди подписавших обращение — видные мыслители, теоретики и экспериментаторы науки. Лауреат Нобелевской премии Морис Уилкинс (Великобритания) обратил внимание общественности на логику движения самой истории, давшей миру примеры нового философского и политического мышления на разных своих этапах:

«Вспомните Маркса, Толстого, Ганди... Каждый из них пытался по-своему найти реалистическое понимание происходящего. Сегодня определенные признаки нового мышления можно, например, четко наблюдать в экологии и охране окружающей среды. Здесь уже не расчлняют проблему, как прежде, а смотрят на нее в целом, глобально, сознавая единство всего живого... Ученые могут и должны влиять на решения политиков силой своего знания, своих оценок. Кроме того, им следует работать и над собственным чувством долга, самосознанием... Главное направление, в котором должно сегодня идти развитие научного мышления, — более широкое участие ученых в мировом процессе цивилизации. От них требуется такая широта мышления, как никогда прежде. Причем во всех измерениях — философском, политическом, социальном».

У истоков ВФНР стояли личности именно такого самосознания, всемирно

известные ученые — Ф. Жолио-Кюри, С. Пауэлл, Дж. Бернал, А. Опарин. Смысл своей деятельности они усматривали в достижении социально-экономического прогресса человечества средствами науки. Активная работа ВФНР принесла федерации заслуженно высокий статус в таких авторитетных организациях, как ЮНЕСКО и ЭКОСОС — Экономический и Социальный Совет ООН. По-прежнему одной из главных задач этой организации остается борьба против использования научно-технических достижений для создания новых видов и систем оружия массового уничтожения.

Разворачивая свою деятельность сегодня, федерация добивается вовлечения как можно большего числа ученых в движение борцов за разоружение и мир, объединение их усилий. Итог реального вклада ученых бесценен. Именно ученые, наиболее отчетливо представляющие трагические последствия ядерного конфликта, первыми информировали о них правительства и мировую общественность. Фундаментальные исследования и математические модели естествоиспытателей неопровержимо доказали необратимость катастрофических изменений окружающей среды, «ядерной зимы», губительной для цивилизации. Врачи предупреждают об опасности утраты человека как представителя биологического вида. Философы и социологи доказывают бессмысленность расточительной траты мировых экономических и социальных ресурсов при решении спорных международных проблем «методом» войны. В анализе крупных международных проблем безопасности особый вклад принадлежит советским ученым.

Пример остро заинтересованной деятельности по сохранению мира таких организаций, как Комитет советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы, «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», Пагуошское движение, свидетельствует о плодотворных возможностях сотрудничества в решении глобальных задач.

Каким вступит человечество в третье тысячелетие?

Этот вопрос самим ходом истории поставлен в центр международной жизни. «На что будет направлен человеческий разум — на высвобождение великих сил созидания или же на создание новых, все более опасных средств разрушения, — ответ на этот вопрос в значительной степени зависит от деятельностей науки». За этими словами из приветственного обращения Председателя Совета Министров СССР к ученым мира — призыв к реализации самой насущной задачи кануна третьего тысячелетия: комплексной программы международной безопасности.

Научный консультант русского издания — кандидат философских наук А. В. Сагадеев

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ
Т. Ю. СОЛОВЬЕВА-МАМЕДОВА

Адрес русской редакции: 119847, ГСП-3, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17, т.: 247-18-40

Великолепие Кордовы

В 923 г. Абдарахман I, халиф Кордовы из династии Омейядов, начал возводить за пределами города «царскую резиденцию», получившую название Мадинат ас-Захра, или «город-цветок». Строительство было завершено спустя 50 лет его преемником аль-Хакимом II аль-Мустансиром. К сожалению, город-дворец почти сразу же пришел в запустение, и к XII в. от него остались лишь руины. И только в нашем веке его постройки были частично раскопаны и восстановлены. Вместе с мечетью в Кордове Мадинат ас-Захра свидетельствует о расцвете искусства в аль-Андалусе, где в результате смешения восточной и греко-романской традиции родилась чрезвычайно оригинальный стиль. Некоторое представление о великолении «кордовского Версаля» дает эта фотография Салона Рико, или Царского дворца (Дар аль-мульк), который предназначался для размещения гостей царского происхождения.
Photo Ordoñez © Fundación Juan March. Taken from «Andalucía», Noguer publishers, Barcelona, 1980

